

ЗЛАТА ЗОРИЧ

Единственная
БАНДИТА

— ПРАВО НА НАДЕЖДУ —

Злата Зорич

**Единственная бандита.
Право на надежду**

«Литнет»

2026

Зорич З.

Единственная бандита. Право на надежду / З. Зорич — «Литнет»,
2026

Двое мужчин, готовых уничтожить друг друга и всё вокруг. И я — единственная, кто может эту бойню остановить. Алекс готов на всё, чтобы меня не отпускать. Но его защита — это золотая клетка, а его странная любовь душит и пугает меня. Ник когда-то был моим спасителем, а теперь превратился в монстра, одержимого властью и... мной. Мне придется сделать выбор. Придётся самой взять в руки оружие и нажать на курок. Один выстрел. Один выбор...Любовь не всегда лечит. Иногда она просто связывает людей навсегда. До самого последнего вздоха.

© Зорич З., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Предисловие	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Глава 19	42
Глава 20	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Глава 1

Его пальцы скользят по моей шее так медленно, что каждая клеточка кожи успевает вспыхнуть огнем до того, как он коснется следующего сантиметра.

Я не вижу его лица — только чувствую. Тепло его дыхания на ключице. Жесткую ткань джинс под моими бедрами. Его прикосновения...

— Ты даже не представляешь, что ты со мной делаешь, — говорит он. — Ты сводишь меня с ума...

Ник.

Конечно же, Ник. Всегда только он.

Он наклоняется ниже, и я чувствую его губы — сначала на уголке рта, потом на подбородке, потом на ямке между ключицами. Это не поцелуй. Это раскалённые клейма.

— Посмотри на меня, — приказывает он, и я подчиняюсь.

Теперь я вижу его глаза. В полумраке они кажутся черными, но я знаю — на свету они цвета виски, в котором плавится мед. Сейчас я отражаюсь в его зрачках крошечной, дрожащей, до смерти испуганной и до смерти живой.

— Я с ума схожу по тебе, — шепчет он мне на ухо. — Ты моя девочка...

И я понимаю, что эти слова для меня — приговор. Он никогда меня не отпустит...

— Я вижу твоё лицо, каждый раз когда закрываю глаза, — Ник проводит большим пальцем по моей нижней губе.

И его рука, которая только что лежала на моём затылке, сползает вниз. Оказывается на моей шее.

Пальцы смыкаются и обхватывают моё горло — там, где бьется пульс, где кожа нежнее всего, где я уязвима до предела. Я чувствую тепло его ладони, но это перестаёт быть лаской. Это — насилие.

— Я мог бы сжать сильнее, — шепчет он мне в губы, и его дыхание обжигает.

Хватка усиливается. Паника охватывает меня, но тут же гаснет, потому что он снова ослабляет хватку, нежно поглаживая большим пальцем место, где только что душил.

— Видишь? — его голос звучит почти ласково. — Я могу...

Он улыбается — той самой улыбкой, от которой у меня подкашиваются колени.

— Ты моя, Алиса. Даже если ты сбежала от меня на край света. Ты — моя.

И он целует меня.

Глубоко, жадно, с привкусом крови — я прикусила губу, когда он сжал мою шею, и теперь этот солоноватый вкус смешивается с ядом его губ.

Его рука всё ещё на моем горле.

И я чувствую себя одновременно в полной безопасности и в смертельной ловушке.

— Скажи, что ты моя, — требует он. — Скажи мне...

Я открываю рот...

И захлебываюсь водой.

Я дергаюсь, разрывая вязкую ткань воспоминаний. Надо мной — толща воды.

Я плавала в бассейне, когда воспоминания о ночном кошмаре снова накрыли меня. Легкие горят, требуя кислорода, но я не вынырываю сразу — зависаю под поверхностью, глядя на рябь света сверху.

Это было слишком реально.

Я до сих пор чувствую его пальцы на своей шее. Там, где он так сильно сжимал...

Его образ не оставляет меня. Даже здесь, за тысячу километров от Москвы, где Алекс спрятал меня.

Моё тело помнит его.

Помнит так, что сон режет по живому.

Я вынырываю, разбивая ладонями водную гладь, и жадно хватаю ртом воздух. Волосы тяжелым мокрым плащом облепляют спину и плечи. Я отбрасываю их с лица, щурясь от слепящего солнца.

И вижу его.

Алекс стоит на бортике и смотрит прямо на меня.

— Ты так долго была под водой, — говорит он.

— Я задерживала дыхание. Тренировала легкие.

— Зачем?

— На тот случай, если... Если кто-то попытается меня утопить.

— В этом доме ты в полной безопасности.

— Я знаю. Но когда-то ты же выпустишь меня из него?

Он опускается на корточки на край бортика. Теперь он так близко, что я вижу шрам над его левой бровью. Вижу тьму в его голубых глазах.

— Я испугался за тебя, — тихо говорит он. — Ты выглядела так, будто уже утонула...

Алекс — человек, которого не пугает ничего.

Ничего, кроме вероятности меня потерять.

— Прости, — говорю я, хотя мне по сути не за что извиняться. — Не хотела тебя напугать.

Он протягивает мне руку. Я хватаюсь за его ладонь — твердую, сильную, невероятно надежную. Он вытягивает меня из воды одним движением, будто я ничего не вешу.

Стою перед ним, мокрая, дрожащая — но не от холода. Воздух здесь горячий, почти раскалённый. А от того, что моя шея всё ещё помнит чужую хватку...

Алекс смотрит на мои губы.

— У тебя кровь...

Я вытираю её с прикушенной губы.

Потом он переводит взгляд на глаза.

— Ты плакала?

Я подношу руку к лицу. Щека мокрая, но я же только что из бассейна.

— Это просто вода, — говорю я.

— Вода, — повторяет он, кивая. Делает вид, что поверил.

Он берёт полотенце с шезлонга и накидывает мне на плечи, укутывает в него. Слишком нежно для человека, который держит в руках криминальную империю.

— Тогда иди одеваться. Завтрак уже на столе.

Он разворачивается и уходит, не оглядываясь.

— Ты же выпустишь меня отсюда? — спрашиваю я снова ему в спину. — Выпустишь?

Алекс ничего мне не отвечает.

Предисловие

Дорогие читатели!

Перед вами заключительная часть трилогии. Мы прошли долгий путь вместе с Алисой: от ее отчаянного побега из дома до сцены элитного столичного стриптиз-клуба и опасных игр опасных мужчин. В этой книге маски будут сброшены окончательно. Противостояние Алекса и Ника достигнет своего пика, и Алисе придется сделать выбор, который невозможно совершить рассудком. Только сердцем.

Имеет ли человек, чья душа была выжжена дотла, право на надежду?

Мы узнаем это совсем скоро.

Краткое содержание предыдущих книг:

Если вы подзабыли детали или только присоединились к истории, вот основные вехи трилогии:

Том 1: «Без права на любовь»

Алиса сбегает от насильника и находит убежище у Ника — парня, в которого была влюблена с детства. Очень скоро Ник втягивает ее в свой криминальный бизнес, и они сильно сближаются. Но полноценная близость невозможна из-за тяжелой психологической травмы Алисы. Ее насильник ищет её и выходит на Ника. Алиса должна бежать, но... Ничто не в силах вырвать её из объятий любимого. В последней главе Ник спасает Алису и заставляет уехать из города ради ее безопасности. А сам остаётся, желая отомстить за неё.

Читать здесь: <https://litnet.com/shrt/yyZY>

Том 2: «Без права на прощение»

Алиса переезжает в Москву, считая Ника погибшим. Она работает в элитном стрип-клубе, где привлекает внимание владельца — Алекса. Когда Ник внезапно появляется в клубе, Алекс понимает, что Алиса — слабость его врага, и забирает ее в качестве заложницы. Между Алексом и Алисой возникает особая связь, но Ник возвращает ее силой. Он отомстил за неё, но цена этой мести оказалась слишком велика — он сам превратился в жестокого монстра. В финале Алиса принимает предложение Алекса и улетает с ним и своим братом за границу, надеясь там обрести покой.

Читать здесь: <https://litnet.com/shrt/kFj7>

Внимание!

Книга содержит описания насилия, нецензурную лексику и сцены, которые могут быть триггерными.

Пристегните ремни. Мы возвращаемся домой.

Глава 2

В моей комнате всё ещё необжитое, стерильно-чистое. Идеальный порядок, в котором нет ни капли жизни.

Я подхожу к массивному шкафу — мне срочно нужна старая толстовка Ника. Мне нужно спрятаться в ней, как в панцире, от того Ника, из моего сна. Мне хочется вспомнить, каким он был, каким он раньше мог быть со мной. И каким уже никогда не станет...

Рывок — и створки распахиваются.

Я замираю.

Шкаф полон вещей, буквально набит ими так, что они вываливаются. Но моих вещей в нём нет. Вместо черного хлопка и серых спортивных штанов — облако из шелка, органзы и тончайшего кружева. Светло-бежевый, жемчужный, нежно-персиковый. Цвета утреннего тумана и пудровых румян.

— Алекс! — мой крик рикошетит от стен. — Алекс, какого черта?!

Я начинаю лихорадочно перерывать вешалки. Где мои вещи? Где моя жизнь? Под пальцами скользит атлас. Каждое платье будто предназначено для того, чтобы танцевать в нём на сцене под светом софитов.

— Я вижу, ты уже оценила свой новый гардероб.

Я резко оборачиваюсь. Алекс подошёл как всегда неслышно, и теперь он стоит в дверях, прислонившись к косяку. Спокойный, непроницаемый. Смотрит на меня так, будто я — незаконченная картина, которой он только что подобрал правильную раму.

— Где мои вещи? — я едва сдерживаю дрожь в голосе.

— Какие? Та выцветшая толстовка и штаны, в которых ты приехала? — он едва заметно приподнимает бровь. — Здесь слишком жарко для этого. На Кипре солнце не щадит тех, кто кутается в тряпье.

— Но это было *моё* тряпье! — я делаю шаг к нему, сжимая края полотенца. — Ты не имел права выбрасывать!

Он проходит в комнату, и пространство вокруг него будто сжимается. Алекс протягивает руку к вешалке и снимает платье — летящее, на тонких бретельках, с многослойной юбкой, напоминающей балетную пачку.

— Это подчеркнет твою линию плеч. И осанку. Ты же танцовщица, помнишь?

В его голосе звучит что-то странное. Нежность, от которой веет холодом. Я смотрю на это платье и понимаю. Эти вещи... они не для меня. Они для *нее*. Для той, чьи фотографии я видела в его кабинете. Его невеста. Хрупкая балерина, которая погибла. Которой больше нет.

— Я не надену это, — чеканю я. — Никогда. Слышишь? Верни мне мою одежду. Сейчас же!

— В них ты выглядишь, как беспризорница, — он подходит ближе, и я чувствую запах его парфюма. — Ты достойна лучшего.

— Я достойна быть собой!

Алекс опускает взгляд на мои плечи, по которым всё ещё стекают капли воды. Его глаза темнеют, приобретая тот самый оттенок бездны, который я видела в бассейне.

Мне становится страшно. Страшно от того, что сейчас он может меня коснуться. А я... Я не могу ему отказать.

Но он вдруг берет себя в руки и говорит холодно:

— Завтрак на столе. Твой брат ждет тебя в столовой.

Он делает паузу, и его губы трогает едва заметная, жесткая усмешка.

— Ты же не собираешься расхаживать при нём в одном полотенце? Выбери любое платье и спускайся. У тебя пять минут.

Он разворачивается и уходит, оставляя за собой шлейф дорогого парфюма.

Я остаюсь одна в окружении этих светлых, призрачных платьев. Алекс знает мои слабые места. Он знает, что ради брата я сделаю что угодно. Даже если мне придется примерить чужую жизнь и притвориться той, кем я никогда не была.

Я сбрасываю полотенце и натягиваю шелк. Он облегает меня, как вторая кожа — безупречно, идеально. Будто его шили прямо на мне. Или на ком-то, кто был моей точной копией.

Я не узнаю себя. Из зеркала на меня смотрит другая женщина. Красивая, изысканная, дорогая... и абсолютно чужая.

Вдруг Алекс снова входит в комнату. Теперь в его руках небольшая бархатная коробочка. — Финальный штрих, — негромко произнес он.

Он подошел со спины, извлек из черных недр футляра нитку жемчуга. Коснулся моих волос, убрал их на одно плечо.

Холод жемчужин лёг на пылающую кожу, туда, где еще мгновение назад я чувствовала призрачные пальцы Ника. Я невольно вздрогнула. Тяжесть украшения ощущается как настоящий ошейник.

Алекс застегнул замок. Его дыхание коснулось моего затылка, и по спине пробежала волна колючего холода.

— Этот жемчуг любит тепло человеческой кожи, — прошептал он, глядя на мое отражение через моё плечо. — На тебе он оживёт.

И мне не нужно спрашивать — я итак знаю, кому раньше принадлежало это украшение. Его носила *она*.

Алекс коснулся пальцами моей челюсти, заставляя чуть приподнять голову, чтобы жемчуг плотнее прилегал к горлу. Это чувственно и пугающе одновременно. В его глазах нет меня. Там мираж, в который он изо всех сил пытается вдохнуть жизнь.

— Теперь ты готова, — сказал он, убирая руки. — Жду тебя внизу.

Он ушел, так же бесшумно, как и появился. А я осталась стоять перед зеркалом, сжимая пальцами душашее украшение.

Для него я — кусок податливой глины. Чистый, белый холст, на котором он решил заново нарисовать любимую картину. Он лепит из меня призрак своей погибшей невесты, и я этому почти не сопротивляюсь.

Почему я это терплю?

Почему я уехала с ним? Почему позволила увезти себя за тысячи километров?

Ответ пришел быстро, отозвавшись тупой болью в груди. Брат.

Алекс пообещал показать ему другую жизнь. Он пообещал ему лучшее образование, безопасность, будущее. Ради брата я бы надела и колючую проволоку вместо жемчуга.

Но была и вторая причина. Та, в которой мне страшно признаться даже самой себе.

Я хотела сбросить старую жизнь, как поношенную, грязную оболочку. Думала, что если уеду далеко-далеко, то та Алиса — испуганная, сломленная, влюбленная в опасного бандита — просто исчезнет.

Но оказалось, что вместе с оболочкой я потеряла и себя. Сбросив старую жизнь, я не обрела новую — я просто стала никем. Пустотой, которую Алекс теперь заполняет чужими вещами, чужими привычками и чужим жемчугом.

Поправив украшение, я сделала глубокий вдох. Я должна идти вниз. Должна играть роль, которую мне написал Алекс.

Пока не нашла способ сбежать.

Глава 3

Столовая залита солнцем. В воздухе висит уютный аромат свежесваренного кофе и поджаренных тостов. Если бы кто-то заглянул в окно, он бы увидел идеальную картинку: успешный мужчина, красивая девушка в нежном шелковом платье и счастливый ребенок.

Семейная идиллия, от которой меня уже тошнит.

— Ты видел, какой там бассейн? — мой брат буквально захлёбывается восторгом и забывает есть. — А спортзал? Там даже есть стена для скалолазания! И учитель сказал, что я могу записаться в футбольную секцию!

Он смотрит на Алекса с таким обожанием, что мне становится больно. Алекс для него — добрый волшебник, который вытащил его из кошмара и перенёс в этот сияющий солнцем рай. Он завалил его игрушками, о которых раньше он не мог и мечтать. Последняя модель приставки, радиоуправляемый дрон, квадроцикл...

— Я рад, что тебе понравилось в новой школе, — Алекс улыбается. Мне непривычно видеть искреннюю улыбку на его лице, но, кажется, он действительно счастлив. — Твое образование — мой приоритет. В этой школе тебя научат всему, что нужно будущему лидеру.

— Спасибо, Алекс! Ты крутой!

Я молча ковыряю омлет, который кажется мне куском ваты. Жемчуг на моей шее всё ещё ощущается ледяным, хотя он уже должен был согреться от тепла моей кожи. Я чувствую этот «ошейник» с каждым глотком, с каждым поворотом головы.

— Кстати, насчёт школы... — мой голос звучит непривычно мягко — я изо всех сил стараюсь скрыть раздражительность, чтобы брат не почувствовал чудовищного напряжения между мной и его "добрым волшебником". — Я хотела спросить... Давай я сегодня сама отвезу Артёма? Просто отвезу его и сразу же вернусь!

Я прошу о малом, но, судя по напряженному выражению лица Алекса, даже этого мне не положено. Я смотрю прямо в его ледяные глаза, пытаюсь скрыть своё отчаяние под маской покорности.

Черт побери, я же одела это проклятое платье! Вырядилась в то, что он просил!

Взамен я прошу лишь глоток воздуха. Пять минут в машине, десять на парковке школы — одним глазком увидеть реальную жизнь за пределами высокого забора.

Алекс медленно отпивает кофе, не сводя с меня тяжёлого взгляда.

— Даже не знаю... Дороги здесь сложные, движение совсем не такое, как в Москве...

Если бы здесь не было Артёма, он бы просто отказал мне, не задумываясь. Но при нём он всё ещё пытается выдумывать причины.

— Я справлюсь, — я сжимаю вилку так сильно, что костяшки пальцев белеют. — Я просто хочу провести время с братом. Хочу посмотреть на его новую школу. Я же её даже не видела!

— Ты и так проводишь с ним всё своё время, — Алекс бросает беспокойный взгляд на Артёма, но тот увлеченно играет в новый телефон и к разговору не прислушивается. — И ты посмотришь школу. В субботу мы поедем туда все вместе.

— Пожалуйста, Алекс, — я стараюсь, чтобы это не звучало как мольба, но это она и есть. — Только до ворот!

— Не сегодня. Сегодня ты останешься дома. К тебе же приедет мастер по волосам!

Он говорит это ласково, но я слышу подтекст: *«Сиди в клетке. Носи жемчуг. Будь покорной»*.

— Конечно, — выдавливаю я сквозь зубы и натягиваю на лицо фальшивую улыбку. — Как скажешь.

Брат отрывается от телефона и выдаёт невпопад:

— А в школе есть целый компьютерный класс! Алекс сказал, я смогу заниматься робототехникой!

— Это замечательно.

— Беги за рюкзаком, — говорит ему Алекс. — Водитель уже ждёт тебя!

Я смотрю, как он убегает, перепрыгивая через ступеньки лестницы. Провожая Артёма взглядом, пока звук его быстрых шагов не стихает на втором этаже. В столовой повисает тишина, нарушаемая только мерным тиканьем напольных часов.

Я хорошо понимаю, что Алекс не просто так играет в спасителя. Его невеста была беременна, и если бы она не погибла, их ребёнку сейчас было бы чуть меньше, чем моему брату.

И теперь Алекс методично, деталь за деталью, воссоздаёт свою потерянную семью из нас. Артём — его несостоявшийся сын. Я — его воскресшая любовь. Мы — живые декорации в его персональном театре памяти.

Я чувствую, как снова подкатывает тошнота, но заставляю себя дышать ровно.

Мой брат прошёл через многое — не каждый взрослый столько выдержит. А здесь он абсолютно счастлив. Он в восторге от новой школы, от внимательных учителей, от крутого спортзала.

И самое главное — он ничего не говорит о прошлом. Он даже не вспоминает отца, которого Ник убил с такой жестокостью.

Может Алексу действительно удастся заменить ему отца? Стать таким отцом, которого у Артёма никогда не было — добрым, понимающим, внимательным. Богатым и щедрым, в конце концов.

— Ты всё ещё злишься из-за вещей, — констатирует Алекс, поднимаясь со своего места.

Он подходит ко мне сзади — точно так же, как в спальне. Его ладони ложатся мне на плечи, сминая тонкий шелк.

— Ты сегодня такая задумчивая, — голос Алекса у самого уха заставляет меня вздрогнуть. — Тебе не нравится твой наряд?

Я поворачиваю голову, и жемчужный ошейник неприятно впивается в кожу.

— Всё хорошо, Алекс. Я очень рада за брата. Спасибо тебе за него.

Я говорю это искренне, и на мгновение его хватка на моих плечах смягчается. Он верит. Ему нужно, чтобы я верила в эту сказку так же сильно, как он сам.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, Лиза. Разве я так много прошу?

— Вообще-то её Алиса зовут, — вдруг слышу я звонкий голос брата.

Открываю глаза и вижу, что он спускается с лестницы с тяжелым, красочным рюкзаком в руках.

— Я знаю, — Алекс улыбается. — Я именно так и сказал!

Я закрываю глаза. Жемчуг на шее кажется тяжелее свинца. Я — податливый кусок глины. Я — чистый холст.

И я до смерти боюсь того дня, когда он закончит свою картину и захочет сделать меня своей.

Своей полностью.

Глава 4

Мастер по волосам колдует над моей головой, а Алекс ходит из угла в угол, то и дело замирая у окна. Его пальцы нервно барабают по подоконнику, а взгляд прикован к подъездной аллее. Он напряжен, как натянутая струна, и это напряжение передается и мне.

— Что происходит? — спрашиваю я, ловя его взгляд в отражении зеркала. — Ты кого-то ждёшь?

Он не отвечает сразу. Резко задерживает штору, оставляя лишь узкую щель.

— Кажется, я уже видел эту машину, — цедит он сквозь зубы. — Серый седан. Он проехал мимо ворот дважды за последние полчаса...

Я не выдерживаю и горько усмехаюсь.

— У тебя уже какая-то паранойя, Алекс. Это просто машина. Здесь живут ещё люди, кроме нас, и они ездят по дорогам, представляешь? Иногда дважды за полчаса.

— Нет, это другое, — он уверенно качает головой. — За нами идёт слежка...

— Тебе нужно лечить голову, — бросаю я, разозлившись. — Не думал обратиться к мозгоправу?

Алекс замирает. Потом медленно подходит к креслу, жестом отсылая мастера. Тот исчезает за дверью быстрее, чем я успеваю моргнуть.

— А ты не думала? — тихо спрашивает он, наклоняясь ко мне. Его руки ложатся на подлокотники кресла, запирая меня в ловушку. — О том, чтобы обратиться к специалисту? Я как раз нашел отличного доктора. Он поможет тебе справиться с твоей травмой.

Я чувствую, как внутри всё леденеет.

— С какой еще травмой?

— С твоим страхом близости, — его голос звучит пугающе заботливо. — Ты всё ещё вздрагиваешь от каждого моего движения. Ты боишься прикосновений. И это мешает нам стать настоящей семьей... Но это можно вылечить. Можно всё исправить...

Он протягивает руку и кончиками пальцев проводит по моей щеке, спускается к шее.

Меня прошибает током.

Я подрываюсь с кресла, едва не опрокинув столик с инструментами.

— Не трогай меня!

Врываюсь в ванную и с грохотом захлопываю дверь, поворачиваю защелку.

Здесь тишина. Холодный кафель. Запах дорогого мыла.

Я опираюсь руками о раковину, и меня трясет от ярости и бессилия.

Он хочет «исправить» меня. Он считает, что если я перестану вздрагивать от его рук, то стану «здоровой».

А сам он будет ходить по дому с пистолетом, видеть врагов в каждой тени и лепить из живой девушки свою погибшую невесту. И при этом считать себя абсолютно нормальным. Ему не нужен врач — ему нужна послушная копия его прошлого.

Я сползаю на холодный пол, обхватываю колени руками.

Алекс хочет вылечить мою травму, не понимая одной простой вещи: он и есть моя новая травма. Каждое его действие по отношению ко мне — это новый шрам на моей и так изрезанной душе.

Стук в дверь бьет по моим натянутым нервам.

— Алиса, открой дверь, — его голос за дверью звучит ровно, но я слышу в нем вибрирующее напряжение. — Мы не договорили.

— Оставь меня в покое! Уходи! Просто дай мне успокоиться!

За дверью воцаряется тишина. Я почти физически чувствую, как он стоит там, в паре сантиметров от меня, отделенный лишь тонким деревом.

— Прости, — вдруг произносит он, и его тон меняется. Теперь он звучит ласково, почти вкрадчиво. Так говорят с раненым зверем, которого хотят заманить обратно в клетку. — Я просто хотел, чтобы тебе стало легче.

— Мне уже не станет!

— Выходи. Мастеру нужно закончить прическу.

— Пошел ты к черту со своим мастером! И мне не нужен чертов мозгоправ! — выкрикиваю я в закрытую дверь. — Мне нужно просто иметь возможность выйти отсюда! Мне нужен воздух, понимаешь?! Просто глоток воздуха! Неужели я так многого прошу! Я не собираюсь сбегать от тебя, я же сама с тобой уехала!

Я слышу, как он тяжело вздыхает. А потом — звук удара ладонью о косяк. Он злится. Его идеальный план трещит по швам.

— Ты думаешь, я боюсь твоего побега? Ошибаешься. Я знаю, что ты не бросишь брата.

— Тогда зачем всё это? — выдыхаю я в пустоту ванной. — Почему я не могу просто выйти на улицу?

— Потому что я боюсь, что тебя у меня отнимут.

Он не произносит имени того, кто может отнять. Но оно вибрирует в воздухе между нами, заполняя пространство.

И я понимаю, о чём говорит Алекс. Ник не умеет проигрывать. Он не оставляет в покое то, что считает своим.

— Но мы же из-за этого и уехали! — говорю я. — Из-за того, чтобы чувствовать себя в безопасности... Чтобы нас никто не достал.

— Пока ты здесь, под моим присмотром — ты действительно в безопасности...

— Но я не могу прятаться вечно! — мой крик заглушает его слова.

За дверью наступает долгая, мучительная пауза. Я слышу, как он отстраняется.

— Хорошо, — цедит он, и я слышу, как он буквально скрипит зубами от ярости, которую пытается подавить. — Если тебе так нужен этот чертов «воздух»... Так и быть. Ты сама поедешь за Артёмом в школу. Умойся, приведи себя в порядок и выходи. Машина будет ждать через десять минут.

Его шаги удаляются, быстрые и решительные, оставляя меня в этой звенящей пустоте ванной комнаты.

Я прижимаюсь лбом к холодной плитке. Моя первая маленькая победа? Возможно. Но скорее просто длинный поводок, который он милостиво решил немного ослабить.

Алекс боится, что меня отнимут, а я... я боюсь, что он окажется прав. Потому что где-то там, за пределами этой золотой клетки, Ник всё ещё меня ищет.

Глава 5

Я выхожу на крыльцо, и солнце тут же бьет по глазам, заставляя зажмуриться. После полумрака дома этот свет кажется агрессивным, но я впитываю его каждой клеточкой кожи.

Алекс уже стоит у машины — хищный силуэт на фоне ослепительно белого лакированного кузова. Его взгляд тщательно сканирует пространство за забором, прежде чем он переводит его на меня.

— Туда и обратно, Алиса, — повторяет он в десятый раз. — Туда и обратно! Никаких остановок. Никаких заездов куда-либо. Только школа и дом. Ты меня поняла?

— Да, — бросаю я, уже не слушая. Мне до смерти надоело во всем слушаться его.

Я едва сдерживаю дрожь в руках, когда сажусь в кресло. Это крутой кабриолет с открытым верхом — «игрушка» из его коллекции, которой Алекс милостиво позволил мне попользоваться. Я чувствую запах дорогой кожи и разогретого пластика.

— Жду вас обоих через десять минут, — чеканит Алекс и хлопает ладонью по двери машины. — Не заставляй меня пожалеть о своем решении...

Я киваю, вставляю ключ и выжимаю газ. Мотор отзывается мощным, утробным рыком. Ворота медленно ползут в стороны, открывая мне путь, и как только зазор становится достаточным, я срываюсь с места.

Свобода!

Ветер тут же вцепляется в мою безупречную прическу и безжалостно разрушает её, но мне плевать. Я хочу, чтобы встречный поток воздуха содрал с меня эту маску «идеальной Лизы».

Я прибавляю скорость, чувствуя, как адреналин вскипает в крови, вытесняя страх. Скорость — единственный легальный наркотик, который мне сейчас доступен. Я гоню по серпантину, вписываясь в повороты так резко, что шины испуганно взвизгивают.

Из-за того, что я гнала как сумасшедшая, я оказываюсь у школы раньше, чем нужно. Парковка почти полностью заполнена мамами, которые поджидают своих чад в дорогих автомобилях. Я глушу мотор и на мгновение замираю, переводя дыхание. В парковке я не сильна, да тут и негде развернуться...

В этот момент мимо проносится серый седан. Неужели это та самая машина, которую Алекс видел у нашего дома несколько раз за сегодняшнее утро?

«У тебя паранойя, — усмехнулась я самой себе. — Алекс заразил тебя своим безумием».

Во рту невыносимо пересохло. Я тянусь к бутылке воды, которая лежит на соседнем сиденье, но сделав глоток, едва не выплевываю её обратно. Вода горячая, она нагрелась под палящим солнцем и на вкус напоминает застоявшуюся лужу.

Мне нужно что-то холодное. Прямо сейчас.

Я оглядываюсь по сторонам и совсем рядом, буквально в двухстах метрах, вижу знакомую красно-желтую вывеску. Тут точно всегда есть в наличии лед и холодная газировка. Плевать на запреты Алекса. Это же не «остановка в пути», это почти та же парковка.

Я завожу машину, проезжаю эти несчастные метры и влетаю на линию автораздачи.

— Огромную колу с двойным льдом, пожалуйста, — бросаю я в динамик, чувствуя себя так, словно совершаю что-то запретное.

Через минуту в моих руках оказывается запотевший пластиковый стакан. Я жадно припадаю к трубочке, чувствуя, как ледяная жидкость обжигает горло, даря почти физическое наслаждение. Газировка колет язык, лед приятно гремит о стенки стакана. Я закрываю глаза, подставляя лицо солнцу, и на секунду мне кажется, что я действительно свободна. Что нет никакого Алекса, нет жемчужного ошейника, нет страха...

Резкий шум за спиной заставляет меня вздрогнуть.

Прежде чем я успеваю обернуться, что-то твердое и ледяное упирается мне в затылок. Прямо в основание черепа, чуть повыше жемчужной нити. Этот холод невозможно перепутать ни с чем. Холод стали.

— Не дергайся, дорогуша, — раздается за спиной резкий женский голос. — Иначе я прострелю твою красивую башку.

Я замираю, боясь даже вздохнуть. стакан с газировкой дрожит в моих руках, лед внутри испуганно звякает.

— Давай, выруливай отсюда, — командует она, и я чувствую, как дуло пистолета сильнее вдавливается в мою кожу. — Только плавно. Без резких движений.

— Но куда? — мой голос охрип от страха и холодной газировки.

— Куда я скажу, — отрезает женщина.

— Кто вы такая? Что вам от меня нужно?

Я чувствую, как она переваливается через заднее сиденье, прижимается ко мне почти вплотную.

— Теперь ты будешь делать всё, что я скажу. Попалась, птичка.

Я смотрю на ворота школы, из которых через пару минут выйдет мой брат, которого мне уже не суждено будет встретить.

И послушно трогаюсь с места, не решаясь спорить с человеком, у которого в руках пистолет.

Глава 6

— Сворачивай в промзону, — командует женщина. — К старым складам.

Я подчиняюсь. Через несколько минут она заставляет меня затормозить за ржавым ангаром, где уже стоит другой автомобиль.

— Выходи. Быстро! — она рывком открывает мою дверь и приставляет пистолет к моему ребру. — Пересаживайся в ту машину.

Я делаю шаг по раскаленному асфальту и замираю. Это он. Тот самый серый седан, который Алекс заметил сегодня утром возле нашего дома.

— Ну надо же... — срывается у меня с губ прежде, чем я успеваю подумать. — Значит, Алекс был прав...

Женщина, которая уже заталкивает меня на заднее сиденье, резко замирает. Она переглядывается с мужчиной, сидящим за рулем — угрюмым типом с поломанным носом.

— Что ты сказала? — шипит она, впиваясь пальцами в мое плечо. — В чем именно был прав Алекс?

Я прикусываю язык. Черт. Паранойя Алекса была полностью оправдана, а я не верила ему и смеялась над тем, что он сходит с ума. А теперь ещё и ляпнула перед ними...

— Твою мать! — мужчина за рулем ударяет ладонью по приборной панели. — Я же говорил, что надо быть осторожнее!

— Заткнись и заводи! — рявкает женщина. — Нужно менять тачку. На следующей развязке пересаживаем в резервную. Эта теперь «грязная».

Она с силой захлопывает дверь и садится рядом со мной, не убирая пистолет. Машина срывается с места, обдавая ангар облаком пыли. Мы несемся прочь от школы, прочь от Артёма, который сейчас, наверное, уже вышел к воротам и растерянно оглядывается в поисках моего белого кабриолета.

— Кто вы? — я пытаюсь придать голосу твердость, хотя внутри всё дрожит. — Что вам от меня нужно? Если вам нужны деньги, Алекс заплатит...

Женщина вдруг разворачивается ко мне. Её лицо, до этого просто злое, теперь искажается в настоящем бешенстве. Она замахивается и наносит мне резкую, хлесткую пощечину. В голове гудит, а во рту появляется металлический привкус крови.

— Деньги? — выплевывает она. — Ты думаешь, дело в деньгах, ты, маленькая, крашенная дрянь?

Она хватает меня за воротник светлого платья, сминая нежный шелк, и тянет на себя.

— Ты хоть понимаешь, что ты натворила? Пока ты здесь в жемчугах разгуливаешь и в бассейнах купаешься, в Москве льется кровь! Твой Ник по одному отлавливает наших ребят и убивает их. И знаешь, что он оставляет рядом с телами? Записки с одной и той же фразой: «Верни мне моё»!

У меня по спине пробегает холодок. Я смотрю на женщину, которая только что ударила меня, и вдруг в её чертах, в её жестком, сосредоточенном лице проскальзывает что-то знакомое. Я уже видела её раньше.

— Вы... вы же люди Алекса, — выдыхаю я, и эта догадка бьет под дых сильнее, чем пощечина. — Вы же работаете на него!

Мужчина за рулем злобно хмыкает.

— Работали, птичка. Пока наш шеф окончательно не сошел с ума.

— Заткнись, — обрывает его женщина. Она снова поворачивается ко мне, и в её глазах я вижу не просто ярость, а глубокое, черное отчаяние. — Да, мы его люди. Были ими много лет. Мой муж был его правой рукой в Москве. И знаешь, где он сейчас?

Она хватает меня за руку, впиваясь ногтями в нежную кожу, прямо над кружевным манжетом.

— Он лежит в реанимации с дырой в груди. Твой Ник подстрелил его прямо у нашего дома, на глазах у наших детей... Чтобы передать своё послание Алексу.

— Я... я не знала... — лепечу я, пытаюсь отстраниться.

— Ты ничего не знала! — она почти срыгается на крик. — Ты сидишь в этой гребаной крепости, пока нас вырезают как скот! Ник методично, один за другим, уничтожает всех по очереди!

— Почему Алекс просто не отдаст ему меня? — спрашиваю я, и мой голос дрожит. — Если всё так ужасно...

— Потому что он гребанный псих! — выкрикивает мужчина, резко крутя руль. — Мы просили его. Мы умоляли! Говорили: «Шеф, отдайте девчонку, она того не стоит, у нас люди гибнут!». Но ему плевать... Он готов положить нас всех до единого, чтобы ты осталась с ним.

Я чувствую, как по спине ползет липкий холод. Алекс готов принести в жертву всех, чтобы удерживать меня дальше в своей клетке.

— Он ненормальный, — шепчет женщина, глядя в окно. — Но мы не дадим ему уничтожить его же империю. Мы просто вернем Нику то, что принадлежит ему. И тогда мой муж будет жить...

Всё так... Я — разменная монета в войне двух чудовищ. Один хочет владеть мной как вещью, второй — как памятью. И ни одному из них не важна я сама.

— Мы почти на месте, — бросает мужчина.

Я вижу впереди старый причал. Там, в тумане, качается на воде катер. Вот чем обернулась моя «свобода», о которой я так мечтала сегодня утром... Алекс, наверное, сейчас мечет громы и молнии в своем пустом доме, не понимая, что его предали те, кому он больше всего доверял.

А Ник... Ник уже близко. Я чувствую это каждой клеточкой кожи.

— Выходи, — женщина толкает меня к двери. — Пришло время возвращать долги.

Глава 7

Катер глухо рокошет, разрезая густой туман. Я сижу на палубе, сжавшись в комок, и кутаюсь в куртку, которую милостливо уступил мне мой похититель. Тонкое шелковое платье, выбранное Алексом для «идеального утра», совершенно не подходит для таких путешествий. Мы плывем куда-то вот уже несколько часов, и меня начнет мутить от страха перед неизвестностью.

Что ждёт меня дальше? Неужели они действительно отдадут меня Нику? Неужели я скоро снова увижу его?

Эта мысль одновременно пугает и зажигает огонь где-то очень глубоко во мне. Как бы я ни уверяла себя в том, что он мне уже безразличен, это далеко не так. Такие чувства, которые были у меня к нему, не проходят бесследно.

И это пугает меня даже больше, чем неизвестность.

Мои похитители — я так и не узнала их имен — пребывают в гораздо более приподнятом настроении, чем я. Кажется, они уже празднуют победу. Переговариваются о чём-то вполголоса, но какие-то обрывки фраз всё-таки долетают до меня по ветру.

— ...успеем как раз к сроку... Ник оценит пунктуальность.

— Еще бы, — женщина криво усмехается. — Отличный подарок на свадьбу. Лучшего и не придумаешь.

Моё сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться так сильно, что, кажется, сейчас проломит ребра.

— Что? — я делаю шаг к ним, игнорируя то, как они мгновенно напрягаются. — Что вы сейчас сказали? Какой еще подарок? Какая свадьба?

Они переглядываются. В глазах женщины проскальзывает нечто среднее между жалостью и презрением.

— Тебе-то какая разница, птичка? — бросает она, отворачиваясь к воде. — Твоё дело — красиво сидеть в коробке с бантиком.

— Нет, расскажите мне! О чьей свадьбе вы говорите?

Мужчина сплевывает за борт и смотрит на меня своим тяжелым, немигающим взглядом.

— О свадьбе Ника, дура. О чьей же еще? Не о моей же... У твоего хозяина намечается грандиозное торжество. А тут и ты как раз подоспеешь — прямо к праздничному столу.

Мир вокруг меня на мгновение замирает. Шум воды, крики чашек где-то вдалеке, рокот двигателя — всё исчезает, оставляя только звон в ушах.

Это удар под дых. Нет, не удар — это выстрел в упор, в самое незащищенное место.

— Но... Свадьба? — я хватаюсь за горло, чувствуя, как жемчужины врезаются в кожу. — Он... он же людей убивал, чтобы меня вернуть! Вы сами так сказали...

Мужчина усмехается.

— Ну, одно другому не мешает.

— Ник теперь метит в высшую лигу, — объясняет женщина. — Поэтому и нашел себе богатую наследницу, дочку строительного магната. Её папаша застроил своими человеичниками полстраны. У него денег больше, чем у Алекса и Ника вместе взятых.

— И он... женится на ней? — я чувствую, как земля уходит из-под ног.

— Ага. Папашка её, конечно, был сильно против — ну кому нужен зять с такой репутацией? Но девка от Ника без ума. Вцепилась в него мертвой хваткой.

Женщина достает из кармана смятую пачку сигарет и щелкает зажигалкой. Огонек мечется на ветру.

— Невеста — для статуса. Для будущего. С её папашей Ник станет неприкасаемым. Это бизнес, чистая арифметика. А ты...

Она окидывает меня долгим, оценивающим взглядом — от растрепанных волос до подола шелкового платья.

— Ну а ты, наверное, для любви. Или для чего ты там ему ещё нужна, я уж не знаю. Что там у вас за высокие отношения...

Эти циничные слова выжигают у меня воздух из легких.

«Одна для статуса, другая для любви...»

Женщина стряхивает пепел в пенящуюся за бортом воду.

— Хватит болтать! Я просто хочу доставить тебя ему в целости и сохранности. Передать из рук в руки и получить гарантии, что моего мужа не тронут. Остальное меня не волнует. Хоть в сундук тебя запрут, хоть на свадьбу свою приведут в качестве подружки невесты — мне наплевать.

Я снова опускаюсь на палубу, потому что колени подкашиваются. Вот уж чего я никак не ожидала услышать!

И, конечно, я не ожидала от себя такой сильной реакции.

Боль разливается под ребрами, вытесняя остатки кислорода. А ведь я столько сил потратила на то, чтобы вытравить его из своей памяти. Чтобы перестать так одержимо его любить...

Неужели это моё проклятие? Вечно любить этого страшного, сложного, абсолютно невыносимого человека?

Как можно продолжать любить того, кто убивает людей ради своего «верни мне моё»? Кто считает тебя своей собственностью, но при этом спокойно выбирает «статусную» невесту?

Это не любовь. Это какая-то извращенная зависимость. Это болезнь, которую не вылечит ни один мозгоправ, которого так настойчиво советовал мне Алекс.

Оказывается, что в глубине моей истерзанной души, под слоями страха, всё ещё жила та маленькая, глупая девочка, которая до последнего верила в сказку. Верила, что для своего "спасителя" она — единственная.

Оказалось, что я просто — любимая игрушка, которую нельзя отдавать другому.

И самое страшное — даже после всего услышанного, моё сердце всё ещё замирает при мысли, что очень скоро я снова увижу его.

Глава 8

Двигатель катера захлебывается и смолкает. Мы причаливаем к скрытому в тени пирсу. — Приплыли, — бросает мужчина, выбрасывая канат.

Катер скрежещет бортом о бетон причала. На берегу нас уже ждут — две черные машины, заставшие у самой кромки воды.

Я вижу его силуэт раньше, чем различаю лицо. Эта походка, эта уверенная грация...

Ник останавливается в нескольких метрах от катера, и свет фар выхватывает его лицо из темноты. Те же резкие скулы, тот же тяжелый, темный взгляд, от которого у меня мигом перехватывает дыхание. Меня начинает бить мелкая дрожь.

— Выводи её, — шипит за моей спиной женщина. Её голос заметно дрожит. Она до чертиков боится Ника.

Меня буквально выталкивают на берег. Ноги в тонких туфлях скользят по мокрому бетону, я едва не падаю, но мужчина грубо подхватывает меня под локоть и ставит впереди себя, прикрываясь мной, как щитом.

Мы с Ником замираем друг напротив друга. Расстояние между нами — всего пара шагов. И в этом пространстве, кажется, сгущается само время.

Я смотрю на него и чувствую, как во мне закипает безумный, убийственный коктейль из чувств. Я хочу закричать о том, как я его ненавижу. О том, что я знаю про его свадьбу...

И одновременно с этим моё сердце делает сумасшедший кульбит, а пульс зашкаливает. Мне трудно поверить, что это не сон, что любовь всей моей жизни действительно прямо сейчас передо мной.

Он стоит, небрежно засунув руки в карманы черной кожаной куртки. За его спиной застыли четыре фигуры в черном, неподвижные и безликие.

— Ближе не подходи! — выкрикивает мой похититель, и его голос срывается на фальцет. Он рывком притягивает меня к себе, прижимая дуло пистолета к моему виску. — Стой там, где стоишь, Ник!

Я чувствую, как холодный металл впивается в кожу, но мне почти не страшно. Мой взгляд прикован к Нику. Он выглядит так спокойно, словно мы не на заброшенном пирсе в окружении бандитов, а совсем одни. Он смотрит на меня — мягко, почти ласкающе. Оглядывает с ног до головы, будто пытается убедиться, что я в порядке.

— Ты ведь знаешь, что я не люблю, когда мне ставят условия, — голос Ника звучит неожиданно мягко. — Отдай мне моё, и я сохраню тебе жизнь. Передай мне девчонку, и можете валить на все четыре стороны.

— Ты обещал прекратить убивать наших! — зло бросает мужчина. — Ты сдержишь своё слово?

На лице Ника медленно расцветает та самая улыбка — чарующая, обещающая всё на свете и ничего одновременно.

— Твое недоверие ранит меня, — произносит он, и в его глазах вспыхивает опасный огонек. — И это мне совсем не нравится... Посмотри на неё! Она едва стоит на ногах. Алиса, иди сюда!

Он протягивает ко мне руку ладонью вверх. Ждет.

Это момент абсолютного, звенящего напряжения. Мужчина дышит мне в затылок. Он сомневается. Он на грани того, чтобы нажать на курок просто от ужаса.

— Отпусти её, — шепчет женщина. Её нервы сдают первыми. — Он обещал. Он же сказал... Если мы сейчас не отдадим, он нас тут всех положит...

Мужчина медленно убирает пистолет от моей головы. Его рука трясется так сильно, что я слышу, как лязгает затвор. Потом грубо толкает меня в спину.

Ник ловит меня. Его рука железным обручем смыкается на моей талии, притягивает к себе. Я ударяюсь грудью о его кожаную куртку, и меня мгновенно накрывает его запахом — дорогой парфюм, кожа и легкий шлейф сигар. Этот запах выжигает во мне всё — страх, боль, растерянность, разочарование. Моё тело предательски обмякает в его руках.

— Моя девочка, — шепчет он мне в макушку, и от звука его голоса по спине пробегает электрический разряд.

— Ник... всё? — подает голос мужчина. — Мы можем идти?

Ник слегка отстраняется от меня, но не выпускает из стального капкана рук. Он переводит взгляд на моих похитителей, которые застыли позади меня, ожидая своей участи.

— Конечно, — улыбается он. — Я же обещал. Вы будете в полной безопасности. Вам больше никогда и ничего не будет угрожать.

Он слегка наклоняет голову. Это даже не приказ, а просто жест.

Двое людей Ника в ту же секунду скидывают руки с пистолетами. Два коротких, глухих хлопка почти сливаются со всплеском воды.

Женщина падает первой. Мужчина заваливается на бок, медленно сползая в воду.

— Нет! — крик застревает у меня в горле. — Зачем ты?

Я смотрю на Ника широко распахнутыми глазами, полными непонимания. Зачем он только что это сделал? В этих смертях не было никакой необходимости...

— Это то, что случается с теми, кто берет моё, — произносит он глухо. — Ну и с теми, кто предаёт своих хозяев. Это урок остальным.

— Ты убил их... — хриплю я. — Ты же обещал отпустить!

— Я обещал им полную безопасность. Теперь они в безопасности. Им больше не нужно бояться ни меня, ни Алекса... Разве я солгал?

Я всхлипываю, прижимаясь к его широкой груди. Что ещё можно было ожидать от него? Мой Ник превратился в монстра, монстра...

— Наконец-то ты рядом, Алиса, — шепчет он мне ухом горячо. — Ты заставила меня так долго ждать...

Его рука в черной кожаной перчатке медленно поднимается и касается моего подбородка. Кончики пальцев грубо, собственнически приподнимают мою голову вверх.

— Посмотри на меня, — приказывает он.

Я смотрю. И вижу в его зрачках себя. Застывшую, трепещущую, испуганную.

А он тянется к моей шее прямо как в моем кошмарном сне.

Затем его пальцы нащупывают жемчуг...

— Это тебе больше не понадобится.

Через секунду ожерелье падает на бетон, а Ник наступает на него тяжелым ботинком. Раздается хруст. Жемчужины дождем рассыпаются по пирсу, смешиваясь с грязью и брызгами крови.

— Добро пожаловать домой, лисёнок, — шепчет он, распахивая передо мной дверь заднего сиденья машины. — Надеюсь, ты успела соскучиться. Потому что я — очень скучал.

Я ненавижу его. Я боюсь его до тошноты. Я знаю, что где-то там его ждет его «статусная» невеста, а я для него — всего лишь возвращенный долг. Но когда он вталкивает меня в салон и садится рядом, прижимаясь своим бедром к моему, я чувствую этот убийственный, невыносимый жар внутри.

Это моё проклятие, и мне никуда не сбежать от него.

Глава 9

Ник привел меня в свою новую квартиру. Теперь он живёт в элитном пентхаусе в «Москва-Сити» с панорамными окнами.

Я медленно прохожу к стеклянной стене. Весь город лежит у моих ног, мерцает миллионами огней, похожий на огромную электрическую схему.

Я смотрю на всё это великолепие, и в горле встает горький ком.

Закрываю глаза и на мгновение вижу ту квартиру, в которой мы жили вдвоем: Ник, его сестра Даша и я. Тот Ник был совсем другим — он тогда только мечтал о власти, больших деньгах и собственной империи. Он только строил планы, ставил цели... Сейчас у него всё это есть, вот только для того, чтобы этого "всего" достичь, ему пришлось стать совсем другим человеком. Я совсем не узнаю его.

Тот парень не убивал людей с улыбкой на лице. Тот парень не торговал своей душой ради попадания в «высшую лигу».

Я чувствую его присутствие еще до того, как слышу шаги. Он уже успел переодеться, сбросить свою кожаную «униформу», но это не делает его менее опасным.

Он подходит сзади. Я не оборачиваюсь, продолжая смотреть на светящиеся вены проспектов. Теперь он так близко, что я кожей чувствую тепло, исходящее от его тела.

Его руки медленно ложатся на мою талию. Он сжимает их, крепко держит, словно утверждая свое право собственности. Потом его горячая ладонь скользит по моей руке вверх, к обнаженному плечу.

— Красиво, правда? — шепчет он мне на ухо. В его голосе столько вкрадчивой нежности, от которой моё сердце делает болезненный кувырок.

— Красиво. Но так высоко, что дух захватывает...

— Привыкнешь, — он утыкается носом в мою шею, в то самое место, где еще недавно была жемчужная нить. Его дыхание обжигает кожу. — Теперь это и твоя квартира. Можешь смотреть на всех сверху вниз. Разве не об этом ты мечтала, когда мы жили в той конуре?

Я горько усмехаюсь.

— В той конуре я была с тобой очень счастлива.

Ник резко отстраняется, а его ладонь, только что ласкавшая мою руку, перемещается на горло и сжимает его. Грубо. Ощутимо.

Я вижу его отражение в прозрачной стене. Его глаза сейчас напоминают два куска черного льда.

— Ты сбежала от меня, — его голос падает до опасного шепота. — И, что хуже всего, ты сбежала от меня с ним... Ты позволила ему касаться тебя... Ты хоть понимаешь, мышка, что я чувствовал каждый день, зная, что ты у него в заложниках?

Он сжимает пальцы чуть сильнее.

— Зачем? Зачем ты это сделала? Почему ты сбежала от меня? Я же делал для тебя всё...

Моя любовь к нему в эту секунду сталкивается с накопленной обидой. Я хватаюсь за его запястье, пытаюсь разжать хватку, и в голову мне ударяет осознание того факта, насколько мы оба изуродованы этим безумным чувством друг к другу.

— А ты? — шиплю я сквозь стиснутые зубы. — Ты убиваешь людей из-за меня, сходишь с ума от потери, но при этом строишь свою новую, идеальную жизнь?!

Ник шурится, в его взгляде проскальзывает недоумение. Хватка на моей шее ослабевает.

— О чем ты?

— О твоей свадьбе! — я почти выплевываю эти слова ему в лицо. — О твоей прекрасной невесте, дочке строительного короля! О том, что ты решил стать «приличным человеком» и войти в высшую лигу! Вот только зачем тогда тебе нужна я?

— Что ты сказала? — переспрашивает он.

— Что слышал! Те люди... Те, кого ты пристрелил... Они рассказали мне всё. О том, что я — твой подарок на свадьбу. Последний закрытый долг перед тем, как ты наденешь кольцо на палец другой женщине.

Я смотрю на него, ожидая оправданий, криков или новой вспышки гнева. Но Ник просто смотрит на меня, и его лицо превращается в непроницаемую маску. Этот тупик, в который я его загнала, длится бесконечно долго.

— Так вот что они тебе напели, — наконец произносит он, и его губы кривятся в усмешке. — Подарок на свадьбу, значит? Значит, не зря я их пристрелил...

Он резко отпускает мою шею и отходит, не сводя с меня взгляда. Я жду, что сейчас он скажет, что это всё неправда. Что нет никакой невесты, что её просто не существует.

Но он молчит, и это молчание режет меня по живому.

— Значит, это правда... — шепчу я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Ник нервно подкуривает сигарету, наполняя комнату едким дымом.

— Правда в том, лисёнок, что ты здесь. А остальное... — он выпускает облако дыма мне в лицо. — Остальное тебя волновать не должно.

Я отворачиваюсь к окну, кусая губы.

— Тебе не нужно думать об этом, — произносит он тихо. — Ты здесь. Со мной. Это единственное, что имеет значение.

Он разворачивает меня к себе, заставляя смотреть в свои темные, непроницаемые глаза. В этом полумраке он выглядит как падший ангел — прекрасный и бесконечно пустой.

— Ты моя, — чеканит он каждое слово, впинаясь пальцами в мои плечи. — Понимаешь? Моя. И никакие свадьбы, никакие невесты этого не изменят. Ты — единственная для меня в этом гребаном мире.

Я смотрю на него, и во мне борются два противоположных желания: ударить его со всей силы и прижаться к нему. Раствориться в этом знакомом тепле, забыть всё, что я узнала на том причале...

— Тогда зачем всё это, Ник? — спрашиваю я, и мой голос дрожит от еле сдерживаемого рыдания. — Зачем тебе другая, если я — твоя единственная?

Он слишком близко, и я чувствую, как жар, исходящий от его тела, плавит остатки моей воли. Час назад я видела, как он хладнокровно убил двоих, но сейчас, в полумраке этой комнаты, мне хочется только одного — чтобы он коснулся меня. Это безумие. Это болезнь.

— Иди ко мне, — шепчет он.

Это не просьба. Это приказ, против которого у меня нет иммунитета.

В следующую секунду его губы накрывают мои.

В этом поцелуе — столкновение двух стихий. В нем ярость, накопленная за месяцы разлуки, дикая жажда обладания и какая-то надрывная, пугающая нежность. Я вцепляюсь в его майку и отвечаю с той же исступленной страстью. На мгновение мне кажется, что всё остальное неважно. Нет Алекса, нет невесты Ника, нет страха и нет потерь. Есть только кислород, который мы делим на двоих.

Его руки блуждают по моей спине, сминая тонкий шелк платья, и я выгибаюсь навстречу, захлебываясь от ощущений. Он целует меня так отчаянно и зло, словно пытается выжечь этим поцелуем все мои вопросы и все свои грехи.

В этом поцелуе плавится наша ложь, наша безумная, искалеченная любовь и наша общая гибель, которая уже поджидает нас за каждым углом этого огромного города...

Глава 10

Его руки скользят по моему телу, и это прикосновение обжигает сквозь тонкий шелк. Я жду. Жду того привычного, липкого ужаса, который всегда накатывал на меня в такие моменты. Жду, когда появятся тени прошлого из моих кошмаров и снова потянутся ко мне, заставляя оттолкнуть Ника.

Потому что это уже было. Однажды мы с Ником уже доходили до этой черты, которую я так и не смогла переступить. Я ломалась. Я плакала, дрожала, тряслась, потому что в каждой его ласке мне чудилось то самое насилие, которое мне пришлось пережить. Эта стена между нами тогда казалась мне непреодолимой.

Но сейчас... сейчас внутри была тишина.

Ник рывком разворачивает меня к стеклу. Холод панорамного окна касается моей груди, а сзади — обжигающее тепло его тела. Он целует мою шею, кусает плечо, и я внезапно понимаю: я больше не боюсь.

Но почему? Почему та невидимая рука, которая всегда сжимала моё сердце, отпустила его?

Осознание бьет под дых. Ник *действительно* освободил меня.

Он убил моего насильника, и именно поэтому я теперь свободна.

Он вырезал это гнилье из моей жизни, как хирург вырезает опухоль. А потом сжег ту квартиру, где всё это происходило со мной.

Он смыл эту грязь кровью. Уничтожил саму память о том, что когда-то я была беспомощной жертвой и совершенно ничего не могла сделать, чтобы себя защитить. Могла только мечтать о том, что однажды я встречу принца, который спасёт меня.

И он спас.

— Ник... — выдыхаю я, и его имя тонет в глубокомestone.

Я сама тянусь к нему, заставляя его коснуться меня еще смелее. Я хочу чувствовать его силу, его власть, его безумие. Да, он монстр, но он меня спас. А я могу принадлежать только своему спасителю.

Но Ник внезапно замирает, чувствуя перемену во мне. Он видит, что я больше не сжимаюсь, не пытаюсь закрыться, не начинаю дрожать. Он ожидал всего этого, но этого больше нет... Его глаза темнеют до черноты, в них вспыхивает что-то первобытное.

... ярость?!

Его пальцы, впившиеся в мои бедра, каменеют. Он смотрит на меня — пристально, остро, словно пытается прожечь взглядом мою кожу и добраться до самых потаенных мыслей.

Вдруг — резкое, порывистое движение. Его пальцы впиваются в тонкую ткань моего платья, и я не успеваю даже вскрикнуть, когда тишину разрывает резкий звук рвущегося шелка.

Обрывки ткани повисают, обнажая моё тело, и я инстинктивно прижимаю руки к груди, пытаюсь прикрыться, пытаюсь спрятаться от этого бешеного, испепеляющего взгляда.

— Ты не боишься... — его голос звучит пугающе тихо. — Где же твои слезы, Алиса? Где твои истерики?

Ник делает несколько шагов к барной стойке, хватает стакан и со всей силы швыряет его в панорамное окно. С оглушительным звоном он разбивается о сверхпрочное стекло, осколки веером разлетаются по дорожному паркету.

— Что ты делаешь?

Он разворачивается ко мне, и его лицо искажено такой гримасой боли и ненависти, что мне становится по-настоящему страшно.

— Ты так изменилась, лисёнок, — он почти рычит, наступая на меня. — Ты стала такой... податливой. Раньше ты задыхалась от одного моего прикосновения, а теперь...

Он хватается меня за плечи и встряхивает.

— Это он, да? Это Алекс тебя «вылечил»? Пока я сходил здесь с ума, ты трахалась с ним? Признавайся!

— Что? Нет! Ник, послушай...

— Я не могу перестать думать об этом! — перебивает он. — Каждую секунду, пока ты была там...

— Ник, остановись, — я делаю шаг к нему, игнорируя осколки под босыми ногами. — Ты же знаешь меня...

— Я знал ту Алису! — выкрикивает он, ударяя кулаком в стекло рядом с моей головой. — А кто эта незнакомка? Я не знаю... Признайся, он был с тобой? Отвечай!

— Нет! — кричу я в ответ, и мои слезы наконец прорываются наружу. — Никогда! Да, я сбежала с ним, но... Он никогда не касался меня! Я просто не могла это сделать!

Я хватаю его за руки, пытаюсь заставить его посмотреть на меня и увидеть правду в моих глазах.

— Ты думаешь, я способна на это? Ты думаешь, я могла просто лечь в постель к другому человеку? Ник, я до сегодняшнего момента вообще не знала, смогу ли я когда-нибудь ... вообще быть с мужчиной. Только здесь, с тобой, я поняла, что тени наконец ушли.

Ник тяжело дышит, его тело напряжено. Я чувствую, как его ярость медленно сменяется растерянностью. Он хочет мне верить, но его собственнический инстинкт, его безумная ревность всё еще терзают его изнутри.

— Тебе больно от одной мысли об этом, да? — мой голос дрожит, в нём явно слышится жгучая, едкая горечь. — А сам? Со сколькими женщинами ты переспал за это время? Сколько их было в твоей постели? Сколько их было в этой новой квартире? Ответь мне! Смотри мне в глаза и скажи правду!

Ник замирает. Его челюсти сжаты так, что на скулах перекатываются желваки. Он делает глубокий вдох, и я вижу, как в его глазах гаснет первобытная ярость, сменяясь чем-то гораздо более страшным — ледяным, фатальным спокойствием.

— Неважно, — отсекает он. — Это всё не имеет значения.

Он делает шаг ко мне, сокращая расстояние до минимума. Я чувствую, как его дыхание обжигает мои губы.

— Ни одна из них не была тобой, — шепчет он, и его ладонь, всё еще дрожащая от напряжения, ложится мне на затылок, вплетаясь в волосы. — Они были лишь шумом, который я включал, чтобы не слышать твоего голоса в своей голове.

Он притягивает меня ближе.

— Для меня есть только ты, — его лоб упирается в мой, и он закрывает глаза, словно признавая свое полное поражение. — Ты — ноющая заноза в моем сердце. Моя непрекращающаяся, пульсирующая боль. Мой нарыв, который я не могу вскрыть, моя рана, которая отказывается заживать...

Его пальцы сжимаются на моей шее, и он шепчет мне в губы:

— Ты — проклятье моё. Мой личный ад, в который я возвращаюсь снова и снова. Мне плевать на весь остальной мир, на всех женщин этого города... Если тебя нет рядом, я просто перестаю существовать.

Мои руки, всё еще сжимающие обрывки платья, бессильно опускаются. Ткань падает к моим ногам, оставляя меня совершенно незащищенной перед ним.

— А твоя свадьба? — шепчу я, чувствуя, как его губы уже касаются моих в преддверии нового поцелуя. — Ты можешь её отменить?

Глава 11

— Отменить?

Ник замирает. Его губы, находившиеся в миллиметре от моих, плотно сжимаются. Я вижу, как в его глазах, где только что плескалась страсть и нежность, вспыхивает холодная, колючая ярость. Он резко отстраняется, и я едва не падаю, лишившись опоры его тела.

— Ты невыносима... Я только что вывернул перед тобой душу. А ты...

Он начинает мерить комнату быстрыми шагами, то и дело зарываясь пальцами в волосы, словно пытаюсь выдрать из головы саму мысль о моем существовании.

— Отменить?! — он резко разворачивается, и я вижу, как на его шее пульсирует вена. — Ты хоть представляешь, на каком уровне сейчас идет игра? Это тебе не детская песочница! Это власть, это миллиардные вложения, это неприкасаемость, которую даст мне семья этой девки! Я строил это годами, я шел по трупам, чтобы оказаться здесь!

Он пинает ногой один из крупных осколков. Тот со звоном улетает в темноту гостиной.

— И ты предлагаешь мне от всего этого отказаться? Просто потому, что тебе это не нравится?

Он снова оказывается рядом со мной, так быстро, что я не успеваю отшатнуться. Его руки хватают меня за предплечья, и он встряхивает меня, заставляя смотреть в свои безумные, измученные глаза.

— Почему я просто не могу выкинуть тебя из своей головы? — рычит он мне в лицо. — Выставить за дверь, стереть из памяти, отдать проклятому Алексу, в конце концов! Ты разрушаешь меня. Ты делаешь меня слабым, уязвимым. В моем мире, где за слабость пускают в расход!

— Значит, я — твоя слабость? — шепчу я еле слышно. — А она, твоя «статусная невеста» — кто? Твоя сила? Тогда иди к ней, Ник! Я тебя не держу. Я же сбежала от тебя и я не собиралась к тебе возвращаться! И я не буду твоей игрушкой!

— Будешь! — он прижимает меня к стеклу так сильно, что я чувствую каждый выступ его тела. — Еще как будешь! Потому что ты не можешь без меня точно так же, как я не могу без тебя...

Он наклоняется к моему уху, и его голос становится пугающе нежным, почти ласковым, что намного страшнее его крика.

— Свадьба будет, лисёнок. Этого не изменить. И ты никуда от меня не денешься...

Я с силой толкаю его в грудь. Это движение пропитано не просто злостью, а чистым, бескомпромиссным отчаянием. Ник не ожидает этого — или просто не хочет удерживать меня силой в этот момент — и отступает на шаг.

Я судорожно прижимаю к себе обрывки шелка, которые еще недавно были моим платьем.

— Не подходи ко мне! — хриплю я, пятясь назад. — Не смей!

Потом разворачиваюсь и ухожу, едва сдерживая слёзы. Куда? Я не знаю. Я просто иду по этой огромной квартире, погруженной в темноту. Распахиваю первую попавшуюся дверь — это оказывается ванная комната, облицованная холодным темным мрамором.

Я влетаю внутрь и срываю ногти, пытаюсь провернуть замок. Щелчок — и тонкая преграда отделяет меня от него. И я не уверена, что она его удержит. Если Ник захочет войти, он просто выбьет эту хрупкую дверь, не задумываясь.

Я сползаю вниз по двери, чувствуя спиной её холодную поверхность. Обрывки платья соскальзывают с моих плеч, падая на пол бесформенной кучей. Я обхватываю себя руками, пытаюсь согреться, но холод идет изнутри.

А потом меня накрывает.

Рыдания, которые рвутся из самой глубины истерзанной души. Я зажимаю рот ладонью, чтобы он не слышал, но всхлипы сотрясают всё мое тело. Каждое слово Ника пульсирует в висках.

Свадьба будет... Он не отменит её из-за меня. Даже после моих просьб. Я — недостаточная причина.

Уже очень скоро он будет принадлежать другой.

А я? Что будет со мной?

— Ненавижу... — шепчу я в пустоту. — Господи, как я его ненавижу...

Но самое страшное — в том, что даже сейчас, задыхаясь от слез, я всё еще чувствую на губах вкус его поцелуя. И эта зависимость, эта болезнь, о которой он только что говорил, выжигает меня изнутри дотла.

Неужели я действительно стану его игрушкой?

Глава 12

Я не знаю, сколько времени я провела в спасительном уединении.

В конце концов, я заставляю себя подняться. Включаю ледяную воду и долго стою под душем, смывая с себя следы его поцелуев, запах его парфюма, вкус его сигар. Всё, что напоминает мне о том, что ещё недавно я плавилась в его руках.

Потом кутаюсь в найденный тут же халат и выхожу. В гостиной темно и тихо. Только разбитый стакан напоминает о недавней буре.

Ника нигде нет. Он ушел? Уехал?

К ней?

Я бреду по коридору, толкаю очередную дверь, и попадаю в спальню. Она огромная, пустая, с такой же стеклянной стеной от пола до потолка. Падаю на необъятную кровать, не расстилая её, и просто лежу, уставившись в окно.

Ночной город внизу похож на разлитый океан ртути. Тысячи, миллионы огней. Люди, судьбы, проблемы... Всё это кажется таким мелким, таким неважным отсюда, из этой стеклянной клетки в облаках.

Внутри меня — пустота. Выжженное поле. Боль притупилась, сменившись тяжелым, вязким безразличием. Я не хочу думать. Не хочу вспоминать. Не хочу чувствовать.

Я хочу просто исчезнуть. Раствориться в этой темноте. Чтобы меня никогда не существовало. Чтобы не было этой безумной любви, этого страха, этой предательской зависимости. Чтобы не было его.

Тихий щелчок двери заставляет меня вздрогнуть.

Ник входит в комнату. Свет с улицы на мгновение выхватывает его силуэт.

В полумраке его глаза горят, как у кошки, загнавшей добычу в угол. Он останавливается у изножья, и я чувствую, как от него исходит волна жара.

Я лежу неподвижно, затаив дыхание.

Я знаю, зачем он пришёл. Знаю, чего он сейчас хочет.

Моё сердце колотится в горле, предательски нарушая мой придуманный покой. Это безумие. Я только что ненавидела его, а сейчас...

Сейчас я до безумия его хочу.

Ник медленно опускается на одно колено у края кровати. Его рука ложится на мою щиколотку. Пальцы сжимаются, и он медленно поднимает мою ногу.

И прикасается к ней губами.

По моему телу проносится электрический разряд такой силы, что у меня перехватывает дыхание. В этом жесте столько противоречий: покорность и власть, обожание и право собственности. Он словно утверждает, что я принадлежу ему целиком, до кончиков пальцев.

Мои руки судорожно сжимают простыню. Тело плавится от этого прикосновения, от этого невыносимого контраста между его недавней жестокостью и этой безумной нежностью.

Я никогда такого не испытывала. Никогда не испытывала таких чувств... Что-то горячее переполняет меня, сжимает моё горло, выплескивается наружу...

Ник хватается за края майки и одним резким движением стягивает её через голову, отбрасывая в сторону.

Теперь я вижу его торс во всей его пугающей, гипнотической красоте. Это не холёные мышцы из спортзала, это мускулатура хищника, бойца. Рельеф его груди и пресса кажется высеченным из камня.

От его обнаженного тела исходит такой жар, что воздух в комнате кажется накаленным до предела. Я вижу шрамы — старые, бледные отметины его прошлого, о котором я боюсь даже спрашивать. И этот вид его наготы, его силы до дрожи пугает меня.

Но, одновременно с этим, как же это возбуждает!

Убийственный коктейль из страха и дикого, неконтролируемого желания взрывается у меня в крови. Я знаю, что не смогу оттолкнуть его. Ни за что...

Ник протягивает руку и одним резким движением задирает мой халат, обнажая всё, что ниже пояса. Потом разводит мои ноги — уверенно, не допуская даже мысли о сопротивлении. Я хочу сжать их, хочу закрыться, но тело не слушается. Оно ждет. Оно жаждет этого.

Его горячие губы касаются внутренней поверхности бедра.

С каждым следующим движением его губы становятся всё требовательнее, всё горячее. Он поднимается выше, к самому чувствительному, запретному месту, и внутри меня всё натягивается, словно струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Наконец я чувствую прикосновение его горячих губ и языка и выгибаюсь им навстречу. Пальцы до боли впиваются в подушку, а из горла вырывается рваный стон.

Я уже на грани. Я готова сорваться в эту бездну с ним. С ним вместе...

В этот момент тишину комнаты пререзает металлический лязг — Ник расстегивает ремень. Он замирает между моих раздвинутых ног, нависая надо мной. Его дыхание — тяжелое, прерывистое — опаляет мой живот, но он больше не касается меня.

— Смотри на меня, — его голос звучит низко, с хрипотцой, которая пробирает до костей.

Я открываю глаза. Его взгляд пригвождает меня к кровати.

— Скажи это, Алиса, — шепчет он. На его губах играет опасная, торжествующая улыбка.

— Скажи, кому ты принадлежишь...

Я чувствую его близость, его жар, его готовность, но он не двигается ни на миллиметр. Это пытка. Изысканная, жестокая пытка. Он знает, что я горю. Он знает, что каждая секунда этого ожидания для меня — мучительно.

— Ник... пожалуйста... — мой голос срывается, превращаясь в жалкий всхлип.

— «Пожалуйста» — этого мало, — отрезает он. — Мне нужно твоё признание.

Я трепещу, распятая его желанием. Я больше не принадлежу самой себе.

— Я твоя... — шепчу еле слышно. — Я твоя, Ник. Делай со мной всё, что хочешь...

Его рука вцепляется в мои волосы, заставляя еще сильнее запрокинуть голову.

— Повтори, — требует он, впиваясь взглядом в мои губы. — Скажи, что ты моя девочка. Скажи это, и я дам тебе то, чего ты так отчаянно просишь.

Я задыхаюсь. Воздуха не хватает.

— Я твоя... Я твоя... Только твоя! Навсегда!

И в ту же секунду он срывается. Все барьеры рушатся. Он впивается в мои губы сокрушительным поцелуем, и дикая, первобытная страсть выжигает нас обоих.

Глава 13

Вдруг Ник резко отстраняется и смотрит на меня. В его взгляде — голод. Чистый, первобытный, не знающий пощады голод.

— Я хочу тебя раздеть, — бросил он. — Не двигайся.

Я не двигаюсь. Только дрожу — от предвкушения, от того, как его пальцы, скользят по моей шее, спускаются к ключицам, замирают на ткани, всё ещё прикрывающей грудь.

Ткань ползёт вниз, и когда холодный воздух касается моих сосков, они мгновенно твердеют.

— Какая же ты... — шепчет он.

Его горячая ладонь накрывает мою грудь, большой палец скользит по соску.

Я выдыхаю, откидывая голову.

Он усмехается — той хищной, опасной усмешкой, от которой у меня внутри всё переворачивается. И тут же впивается пальцами, сжимая мою грудь так, что я вскрикиваю — не от боли, от внезапного, острого, как ток, удовольствия.

Потом он наклоняется, и его жадный рот накрывает сосок. Я чувствую язык — горячий, настойчивый. Ник покусывает мою грудь, облизывает, и каждый раз, когда я думаю, что сейчас он остановится, он втягивает сильнее, заставляя меня выгибаться дугой.

Мои пальцы впиваются в его волосы — не отстранить, а прижать ближе.

Его ладонь скользит ниже — по животу вниз, туда, где кожа особенно тонкая и чувствительная. Ник гладит меня там, легонько, кончиками пальцев, и от этого простого касания у меня перехватывает дыхание.

— Ты дрожишь, — замечает он. — Всё в порядке?

— Да, да! — шепчу я. — Всё хорошо... Просто...

И тут его рука опускается ниже. Медленно, мучительно медленно, он ведёт пальцем по линии бикини, спускается к самым складкам, и чувствует меня — влажную, горячую, готовую.

— Уже такая мокрая? — его голос становится ниже.

Но у меня нет времени стыдиться, потому что в этот момент его пальцы проникают внутрь. И я чувствую, как от этого простого движения внутри всё сжимается и пульсирует.

Пальцем другой руки он проводит по моим губам. Я открываю рот и втягиваю его палец. Это так заводит, что я чувствую новый прилив между ног.

Ник бросает на меня быстрый взгляд — проверяет, готова ли я. И видит, что да. Более чем да...

Встаёт на колени между моих бёдер, разводит их шире — грубо, нетерпеливо. Я слышу, как он растёгивает джинсы, как тянет молнию. Секунда — и он освобождается. Я вижу его член — напряжённый, твёрдый. Мне хочется прикоснуться к нему, но он не даёт.

— Потом, — рычит он, видя мой взгляд. — Сначала — я в тебе.

И приставляет головку к моему входу. Я чувствую жар, давление и — его колебание. Всего на миг.

— Смотри на меня, — последняя команда.

Я смотрю.

И Ник входит.

Медленно входит в горячую, скользкую глубину, и я чувствую каждое движение. Я выгибаюсь, потому что он широкий, потому что наполняет меня до краёв... И когда он останавливается на секунду, наполовину внутри, я скулю от невозможности получить всё и сразу.

Потом одним уверенным толчком — до конца, до упора, пока мои бёдра не встречаются с его. Я чувствую, как он пульсирует внутри меня, как мои стенки сжимаются, привыкая, принимая.

— Чёрт, — выдыхает Ник, и его лоб касается моего. — Какая же ты тесная. Горячая. Моя. Он замирает на секунду, и я чувствую, как бьётся его пульс там, глубоко внутри меня.

И он начинает двигаться. Я сжимаю ногами его талию, пальцами — его спину, и в этой точке, где он вошёл в меня, нет ничего, кроме нас. Только — наполненность.

Абсолютная, пьянящая, освобождающая.

Я думала, будет страшно. Но нет. У меня темнеет в глазах от удовольствия.

Я впиваюсь пальцами в его спину, чтобы не улететь. Потому что кайф такой силы сносит крышу.

— Смотри на меня, — хрипит он, перехватывая мои запястья.

Он прижимает мои руки к изголовью, лишая малейшей возможности отвернуться или закрыться. Его лицо в полумраке — хищные тени на скулах, зрачки, поглотившие радужку, и эта пугающая, абсолютная сосредоточенность на мне.

Я не сопротивляюсь. Зачем? Я хочу быть его пленницей. В этой темнице нет страха — есть только жар его ладоней и абсолютная уверенность: он знает моё тело лучше, чем я сама.

Его руки, тяжелые и горячие, прижимают мои запястья к подушке, фиксируя их над головой. Я полностью открыта, полностью беззащитна перед этой стихийной силой. Его тело — сплошные стальные мышцы и обжигающий жар — давит на меня, заставляя чувствовать каждый сантиметр его кожи, каждый шрам, каждую пульсирующую жилку.

И я горю добровольно, с радостью, захлёбываясь собственным стоном.

— Ты чувствуешь? — шепчет он, замедляясь, и это замедление — пытка. Сладчайшая. Он заставляет меня балансировать на самом краю, где удовольствие становится невыносимым, почти болезненным, но я хочу ещё. Ещё. Ещё!

— Чувствую, — шепчу я в ответ. — Не останавливайся, прошу...

Я выгибаюсь, ловя ртом воздух. Мои бёдра сами находят его ритм — я становлюсь его продолжением.

Где та стена, что была между нами? Она рушится с грохотом. Ник не ломает её — он выносит её нахер, как ненужный хлам. И за ней обнаруживается живая, пульсирующая, голодная плоть.

— Ты моя, — рычит он мне в губы.

И сжимает мои запястья ещё сильнее. Я полностью открыта. Полностью беззащитна. И мне это чертовски нравится. Я хочу, чтобы он видел каждую мою эмоцию: жадность, дрожь, набухающие соски, влагу, стекающую по бедру.

Ритм безумный. Жёсткий. Рваный. Исступлённый.

Я выгибаюсь под ним, закидывая голову, и мои ногти впиваются в его плечи, оставляя багровые полосы.

— Ещё, Ник, ещё! — умоляю я, и в голосе нет ни капли стыда.

Он приподнимает меня, прижимая к своей груди, и я утыкаюсь лицом в его плечо, вдыхая его запах. Его сердце бешено колотится о мои рёбра.

Кульминация накрывает нас как взрыв. Я кричу его имя, сжимаясь вокруг него так, что он стонет сквозь зубы. Я чувствую, как его тело содрогается, отдавая мне всё — ярость, боль, любовь.

Мы падаем на простыни, тяжело дыша. Язык прикушен до крови. На бёдрах — отпечатки его пальцев. И мне так хорошо, как не было никогда в жизни...

Это — настоящее освобождение.

Глава 14

Тишина, наступившая после бури, кажется оглушительной. Мы лежим, сплетенные телами, и я чувствую, как мой пульс постепенно замедляется, подстраиваясь под его тяжелый, мерный ритм.

Ник обнимает меня сзади, прижимая к себе так плотно, что между нами не остается воздуха. Его рука медленно скользит по моему бедру, поднимается к талии, ведет линию вдоль позвоночника. Это ласка полна какой-то щемящей нежности... Его палец чертит невидимые узоры на моей лопатке, и я закрываю глаза, утопая в этом обманчивом чувстве безопасности и теплоты.

— Я нашел там твои фотографии... — раздается его голос.

Я вздрагиваю.

— Где?

— В той квартире. В квартире твоего насильника. Когда я пришел его убивать...

Ледяной, колющий холод расплзается по моей коже. Я застываю, боясь пошевелиться, боясь вдохнуть.

Зачем он говорит об этом сейчас, когда я впервые почувствовала, что могу оставить прошлое в прошлом?

— Там были не только твои фотографии, — Ник приподнимается на локте, и я чувствую его взгляд на своей затылке. — Там был целый архив. Десятки других девушек. Десятки сломанных жизней... Именно поэтому я и сжег эту дыру дотла.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю на него. Ник кривит губы в усмешке, которая больше похожа на оскал.

— Поверь мне, он долго мучился... Очень долго. Он умолял меня пристрелить его уже через десять минут, но я не торопился. У меня было всё время мира, чтобы его убить.

Я медленно отворачиваюсь от него, натягивая простыню на плечи. Эти слова ложатся на меня свинцовым грузом, вытесняя ту хрупкую идиллию, что мы только что создали вместе.

— Зачем ты говоришь мне об этом сейчас? — спрашиваю я с горечью.

— Чтобы объяснить, почему я тебя оставил... После того, как я расправился с ним, мне пришлось расправиться со всем его окружением. Его дружки, его связи, всё это гнилье... Ты можешь себе представить, во что превратился наш город в те месяцы?

Он делает глубокий вдох.

— А ты была уже далеко... Я сделал всё, чтобы ты оказалась в безопасности.

— Но я не была в безопасности! Я была в квартире того ублюдка, твоего дружка-сутенера, который домогался ко мне!

— Его я тоже убил... Сразу после того, как узнал, что этот выродок планировал с тобой сделать. Я просто хочу сказать, что... Что я никогда и ни за что не оставил бы тебя! Меня вынудили обстоятельства. Я убивал за тебя, я жил только этой мыслью...

Он замолкает на секунду, и его лицо искажается от боли, которую он не может скрыть.

— А когда я наконец-то закончил... Когда я наконец-то тебя нашёл... Рядом с тобой уже был Алекс.

Это звучит как обвинение. В его голосе — яд, ревность и непереносимая обида.

— Я нашел тебя не одну, — шепчет он, и его рука хватает меня за подбородок, заставляя смотреть в его горящие глаза. — Ты была в его руках.

— Я думала, что тебя убили... — мой голос надламывается, превращаясь в едва слышный шепот, полный скопившейся за годы боли. — Тот сутенер... он сказал, что ты либо погиб, либо до конца своих дней будешь заперт в тюрьме за всё, что ты натворил. Но я не поверила ему. Я

поехала тебя искать! Ты хоть представляешь, чего мне стоило вернуться в родной город? Но тебя нигде не было. Ты просто исчез...

Слезы, которые я так долго сдерживала, теперь текут сплошным потоком, обжигая щеки.

— Я никогда не переставала думать о тебе. Ни на секунду. И никогда не переставала тебя любить!

В комнате воцаряется оглушительная тишина. Кажется, даже город за окном замер, прислушиваясь к этой исповеди.

Ник реагирует мгновенно. Он перехватывает меня, резким, властным движением переворачивая на спину и нависая сверху. Его ладони пригвозждают мои плечи к матрасу, заставляя смотреть прямо в его глаза — сейчас они похожи на два бушующих океана.

— Значит, ты меня любишь? — его голос вибрирует от напряжения. — Ты всё еще любишь меня, Алиса?

— Да! — шепчу я, захлебываясь собственным признанием. — Всю свою жизнь я любила только тебя одного! Ты — мой воздух, мой яд, мой единственный смысл!

Ник впирается в мои губы поцелуем. В эту минуту мне кажется, что всё возможно. Что все преграды рухнули, что мы наконец-то оба освобождены...

Я отстраняюсь на миллиметр, глядя в его глаза, и шепчу ту единственную надежду, что всё еще теплится во мне:

— Значит... ты всё-таки отменишь свадьбу? Теперь, когда ты знаешь, что я тебя люблю?

Ник замирает. Его лицо, только что сиявшее от нежности, снова превращается в непроницаемую маску. Тепло в его взгляде гаснет.

Он медленно проводит большим пальцем по моей нижней губе.

— Нет, малыш... — его шепот звучит как смертный приговор. — Нет. Свадьба состоится.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он закрывает мне губы ладонью, не давая произнести ни слова.

— Свадьба — это лишь фикция. Она ничего не изменит в том, как я к тебе отношусь. Не изменит моей любви к тебе. Не изменит того, что ты — единственная.

Он наклоняется и целует меня.

— Но я никуда тебя не отпущу больше, Алиса. Никогда. Ты можешь ненавидеть меня, можешь проклинать, но ты останешься здесь. Рядом со мной. До самого конца.

Глава 15

Сегодня его вечер. Его триумф. Вечеринка, на которой Ник собирается явить себя во всем блеске своего могущества. И я должна стать его главным украшением. Его самым дорогим трофеем.

На огромной кровати, среди смятых после бурной ночи простыней, лежит платье, которое Ник выбрал для меня, и футляр с бриллиантами. Камни сверкают так ярко, что на них больно смотреть.

— Это всё для тебя, — говорит Ник, застегивая запонки. Он стоит перед зеркалом, поправляя идеально скроенный костюм. — Я хочу, чтобы ты увидела, чего я достиг... Всё, о чём я когда-то только мог мечтать — теперь моё.

Он подходит ко мне, берет кольцо и застегивает его на моей шее. Его пальцы, всё еще хранящие жар нашей ночи, скользят по моей коже. Ник целует меня в плечо, глядя в зеркало на наше общее отражение. Он любит себя. Собой, мной, своей силой.

— Тебе нравится, лисенок?

— Нравится, но... — я снова перевожу разговор на тему, которая волнует меня сейчас больше всего. — Мой брат остался там, с Алексом. Я не могу перестать думать об этом... У меня сердце разрывается. Я должна знать, что он в порядке...

Ник замирает, его руки всё еще лежат на моих плечах. Я вижу в зеркале, как темнеет его взгляд при упоминании имени врага.

— Не беспокойся об этом, — отрезает он. — Как только я прикончу последних людей Алекса, мне не составит труда забрать мальчишку. Это вопрос времени. Он скоро будет здесь, Алиса. Привезу его сюда, дам ему всё самое лучшее. Я всё решу.

«Я всё решу». Теперь это его любимая фраза, но от неё мне не становится легче. Наоборот, внутри всё сжимается. Алекс... как бы я ни относилась к нему, он действительно создал для Артёма лучшие условия. Он по-настоящему заботится о нём. Он мог бы стать для него отцом — самым лучшим.

Я закрываю глаза и вижу перед собой солнечный Кипр. Вижу брата — он так счастлив в этой своей новой школе! Там море и солнце, роскошная вилла с бассейном и куча игрушек. Алекс... чертов Алекс сделал всё, чтобы мелкий был счастлив.

А здесь? Что ждёт моего брата здесь?

Ник явно не собирается становиться ему папочкой. Он скоро настрругает собственных детей с этой своей трофейной женой. Целую кучу хорошеньких ребятишек, пока я буду ждать его здесь...

— Тебе идет, — шепчет Ник, целуя меня в висок. — Ты вся сияешь!

Я выдавливаю улыбку.

Я ничего не говорю Нику о своих сомнениях и метаниях. Смысла в этом никакого нет — сейчас он празднует свою победу и не хочет слышать ничего, что сбilo бы его настрой. Мне остается только одно: надеть это платье и идти с ним туда, куда он захочет меня привести.

Лифт летит вниз с такой скоростью, что уши закладывает. Двери бесшумно разъезжаются, и мы оказываемся на подземной парковке.

Там нас уже ждут.

Бронированный «Роллс», а вокруг него — еще пять тяжелых внедорожников. Охрана при виде Ника замирает. Это не просто сопровождение — это целая личная армия для очень серьезного человека.

Ник ведет меня за руку, и я чувствую, как его пальцы слегка сжимают мои. Его очевидно распирает от гордости. От того, что он может лично продемонстрировать мне, как дорого он теперь стоит.

Мы садимся в машину, и кортеж сразу же срывается с места.

Ник притягивает меня к себе, заставляя сесть к нему на колени прямо в этом моем невероятно коротком и обтягивающем платье. Его руки по-хозяйски ложатся на мои бедра.

— Это была прекрасная ночь, — шепчет он, впиваясь в мои губы коротким, жадным поцелуем. — Самая прекрасная ночь в моей жизни. И она стоила того, чтобы ждать так долго... Каждой секунды стоила... Всё, через что я прошел, весь этот безумный путь... это стоило того, чтобы сейчас ты была здесь. Моя.

Он отстраняется на миллиметр, его глаза горят.

— Ни одна женщина не сравнится с тобой в постели...

Машины долго петляют по городу, уходя прочь от блеска Сити. Пейзаж за окном меняется: бетонные заборы, ржавое железо, промзона. Мы останавливаемся у какого-то заброшенного завода. Окна выбиты, стены в граффити... По-настоящему жуткое место. Я никак не ожидала, что мы окажемся именно здесь.

Нас мгновенно окружает кольцо охраны. Ник выходит первым, подает мне руку. Мы входим внутрь огромного, пустого цеха. Под ногами хрустит битое стекло. И вдруг — среди этого мусора и разрухи — я вижу современный эскалатор, уходящий глубоко под землю.

— Что это? — шепчу я, сжимая его ладонь.

— Мой мир, — коротко бросает Ник. Его глаза возбужденно блестят в темноте.

Мы встаем на ступени и медленно спускаемся. Но в самом низу, когда эскалатор замирает, массивные стальные двери разъезжаются перед нами и вдруг...

Меня ослепляет.

Это настоящий дворец под землей! Роскошное казино: золото, бархат, хрустальные люстры, дым дорогих сигар и запах огромных денег. Сотни людей в смокингах и вечерних платьях. Гул голосов, звон фишек.

Как только мы переступаем порог, сотни лиц поворачиваются к нам и приветствуют, вскидывая бокалы с шампанским в воздух.

Лицо Ника светится — он упивается этим поклонением. Поворачивается ко мне, и на его губах играет улыбка, больше похожая на хищный оскал.

— Добро пожаловать, лисенок, — шепчет он.

Глава 16

В какой-то момент Ника от меня уводят. Все хотят его внимания, каждый хочет погреться в лучах его власти. Его буквально разрывают на части. И он только рад этому. Улыбается этой своей хищной улыбкой, благосклонно кивает, пожимает всем руки.

И я чувствую острее, чем когда-либо — он мне не принадлежит. Он принадлежит этому чудовищному миру, который он сам же построил.

Я стою в стороне, сжимая в руке бокал шампанского. Лишняя на этом празднике жизни.

— Не знала, что у тебя хватит наглости здесь появиться.

Знакомый до боли голос звучит негромко, но бьет наотмашь. Я оборачиваюсь и едва не роняю бокал.

Даша, сестра Ника, моя бывшая лучшая подруга тоже здесь. Я так рада увидеть знакомое лицо, что мне хочется броситься ей на шею и обнять — ведь мы не виделись так долго! — но в последний момент что-то останавливает меня.

Взгляд. Её взгляд, полный такого яда, что мне становится не по себе.

— Даша... — я пытаюсь улыбнуться. — Господи, как я же рада тебя видеть! Я же искала тебя везде! Я так беспокоилась... тогда, в клубе, когда началась та заварушка... Мне пришлось оставить тебя, и я не знала, что с тобой, в порядке ли ты...

Я хочу коснуться её руки, но Даша резко отстраняется. Её взгляд — как лезвие, холодное и острое, режет меня по живому. Она выглядит безупречно — холёная, ухоженная девушка из высшего общества. Теперь в ней с трудом можно узнать звезду дешевого пригородного стрипушника, которой она была раньше.

— Беспокоилась она, надо же, — Даша криво усмехается. — А почему обо мне нужно было беспокоиться, не догадываешься? Не думала, что всё это из-за тебя?

Я опешила от обвинения, которое подруга бросила мне прямо в лицо.

— Я не хотела этого, ты же знаешь... — я попыталась оправдаться.

— Я знаю одно — от тебя всегда одни проблемы. И я жалею только об одном, — её голос вибрирует от злости. — О том дне, когда я привела тебя в наш дом. Протянула тебе руку помощи. Приютила, когда тебе нужно было спрятаться.

Она делает шаг ближе, и я чувствую её ярость кожей.

— Весь тот ад в нашем городе... Всё, что случилось потом... Это всё из-за тебя! Нику пришлось положить столько людей, чтобы выжить... И вот ты снова здесь. Снова крутишь хвостом, заставляя его рисковать всем, что он построил...

Я хочу что-то ответить, оправдаться, но слова застревают в горле. А она делает глоток шампанского, не сводя с меня прищуренных глаз.

— Ты всё разрушила. Всю нашу жизнь.

Даша пошатывается, и я вижу, что она пьяна — в той опасной стадии, когда тормоза отказывают. В её глазах столько презрения, что мне хочется исчезнуть.

— Да, я виновата, — произношу дрожащим голосом. — Я знаю. Но я не хотела всего этого! Я просто хотела выжить...

— Ты хотела выжить, а мы из-за тебя чуть не сдохли! И сейчас, когда он снова привёл тебя, я больше не могу чувствовать себя в безопасности. Теперь нам снова могут ударить в спину в любой момент...

Я смотрю на неё и, несмотря ни на что, вижу перед собой ту девчонку, с которой мы когда-то делили одну шоколадку на двоих и мечтали о большом будущем. Я не хочу её терять. Она — единственное светлое, что было в моей прошлой жизни.

— Даш, мы же были как сестры...

Она выдает короткий, хриплый смешок.

— Однако это не помешало тебе привести в наш дом тех ублюдков, которые были у тебя на хвосте... Да, мы были лучшими подругами... Ты могла мне доверять! Могла рассказать мне всё, как есть, и мы бы вместе придумали, что делать дальше. Но ты выбрала молчать. Выбрала впутать в это дерьмо моего брата... Ты не сказала, что тебя ищут *таки* люди. Ты не сказала, что нам всем грозит смертельная опасность...

Мне больно. Настоящая, физическая боль в груди, будто мне под ребра засунули кусок льда.

— С одной стороны, я должна тебя ненавидеть, — продолжает она. — И я ненавижу, поверь. Но с другой... С одной стороны, если бы не ты, Ник, наверное, не добился бы всего этого, — Даша обводит взглядом сияющий зал. — Если бы не ты, Ник, наверное, так и остался бы мелким решалой в нашей дыре. Он добился всего этого только потому, что хотел быть достаточно сильным, чтобы защитить тебя. Но теперь, когда у него всё наладилось, он снова нашёл тебя... И я заранее знаю, что всё это кончится плохо. Очень плохо для нас всех...

Я сглатываю ком, который стоит в горле. Нужно сменить тему, иначе я просто разрыдаюсь. Я судорожно ищу, за что зацепиться.

— А... а где Уланс? — спрашиваю я, пытаюсь выдавить подобие улыбки. — Вы всё еще вместе? Как он?

Лицо Даши мгновенно меняется. Оно не просто каменеет — оно искажается, будто от резкой вспышки боли. Она смотрит на меня так, будто я только что ударила её ножом.

— Уланс? — её голос становится пугающе тихим. — Уланс погиб.

Я замираю. Бокал в моей руке дрожит. Еще одна жертва этой «империи», на которую я якобы вдохновила Ника...

— Погиб в одну из тех бесконечных «заворух», которыми Ник расчищал себе путь к власти, — еле слышно произносит Даша. — Так что не смей, слышишь? Не смей произносить его имя.

Она допивает шампанское и ставит пустой бокал на стол с таким звуком, будто ставит точку.

— И не обольщайся. Я не верю тебе ни на грош. Я буду присматривать за тобой... И если ты снова подставишь Ника под удар — я лично сотру тебя в порошок.

Даша разворачивается и уходит, растворяясь в толпе, а я остаюсь стоять у колонны.

И наконец-то выдыхаю. Меня подташнивает от волнения, и кружится голова.

Вдруг чья-то рука железным хватом впивается в мое предплечье. Пальцы вдавливаются в кожу так сильно, что я чувствую, как немеет кисть. От неожиданности и боли у меня перехватывает дыхание. Я дергаюсь, готовая закричать...

Но знакомый до дрожи шепот прямо у самого уха заставляет меня оцепенеть.

— Не дергайся, — шипит он, обжигая мне кожу горячим дыханием. — Скучала по мне, куколка?

Глава 17

Сердце падает куда-то в пустой желудок, а по спине пробегает стадо ледяных мурашек. Медленно, преодолевая сопротивление собственного оцепеневшего тела, я поворачиваю голову.

Рядом со мной возник очередной призрак из прошлого. Влад.

Лучший друг Ника, его правая рука. И по совместительству тот, кто давно меня ненавидит. Его глаза, холодные и серые, как московское зимнее небо, сейчас смотрят на меня с неприкрытым презрением.

— Смотрю, ты совсем не рада меня видеть? — Влад усмехается, не выпуская моей руки. Его хватка — настоящий капкан. — Да уж, Ник реально спятил, раз решил, что такая «инвестиция» того стоит...

— Пусти, мне больно! — я пытаюсь вырваться, но он только сильнее впивается пальцами в мое предплечье.

— Нам всем тоже было больно, когда ты оставила Ника разгребать то дерьмо, в которое ты нас вляпала...

Он резко дергает меня на себя.

— Пойдём-ка, пообщаемся в более интимной обстановке. У меня к тебе накопилось пара вопросов, которые Ник в своем любовном угаре забыл задать...

Он тащит меня через толпу, и никто — абсолютно никто — не обращает внимания. Заталкивает меня в глубокую нишу за тяжелой бархатной шторой, где музыка казино превращается в глухой, едва различимый гул.

— Зачем ты это делаешь? — шиплю я.

— Затем, что я отвечаю за безопасность Ника, — Влад толкает меня к стене. — А ты — одна сплошная ходячая катастрофа. Твоё появление здесь — не к добру.

Я замираю, боясь даже вздохнуть.

— За кого ты нас держишь? — цедит Влад. — За идиотов? За детей малых, которым можно скормить сказку про твоё внезапное появление? Давай-ка начистоту. Алекс — не тот человек, который просто так отдаёт свои любимые игрушки. А тут вдруг — раз! — и ты уже в Москве, вся такая невинная и замученная...

— Я-то тут причём? — я чувствую, как слезы закипают в глазах, но заставляю себя смотреть ему прямо в лицо. — Его люди предали его. Украли меня и привезли сюда. Передали Нику как подарок.

— Красивая история. Слишком красивая, чтобы быть правдой.

— Но это так и было! Я не знаю, как они договорились, но...

— А я тебе скажу, как это выглядит со стороны, — перебивает он. — Ты — приманка, которую прислал Алекс. Чтобы ты выслушивала, высматривала, вынюхивала, втиралась в доверие... Чтобы в нужный момент ты...

— Это полный бред!

— Ты думаешь, Ник ослеп от любви и ничего не видит? Возможно. Но я — нет. Я наблюдаю за тобой. И если ты хоть раз дернешься не в ту сторону...

Он поправляет пиджак и смотрит на меня сверху вниз.

— Если ты подставишь его — я пристрелю тебя сам. Без суда, следствия и длинных прощаний.

Я опускаю голову. Влад не верит мне. И по-своему он прав...

И, честно говоря, глядя на всё, что происходит вокруг, я уже сама начинаю сомневаться — не стала ли я пешкой в чьей-то большой и кровавой игре, даже не осознавая этого?

Ник появляется внезапно, словно хищник, почуявший опасность. Он отодвигает тяжелую штору одним резким движением, и свет из зала врывается в нашу нишу, ослепляя меня.

— Какого хрена тут происходит?

Ник делает шаг вперед, буквально вклиниваясь между нами, и грубо отпихивает своего лучшего друга плечом.

— Влад, я, кажется, ясно выразился насчет неё. Ты забыл? — Ник хватает меня и притягивает к себе ближе.

— Я просто объяснял ей правила игры... — говорит Влад, не сводя с меня горящих праведным гневом глаз.

— Свои советы оставь для своих шлюх, — огрызается Ник, и я чувствую, что его тело под моей ладонью напряжено, словно стальная пружина. — Еще раз увижу тебя рядом с ней — и наша дружба закончится в ту же секунду. Ты меня понял?

Влад ничего не отвечает. Он только криво усмехается, кивает и уходит вглубь зала, растворяясь среди смокингов и вечерних платьев.

Ник разворачивает меня к себе. Его ладони ложатся на мои щеки, и он заставляет меня смотреть ему в глаза.

— Он тронул тебя? Сделал что-то? — он быстро осматривает моё платье, моё лицо, будто ищет следы борьбы. — Если этот ублюдок хоть пальцем...

— Всё нормально, Ник, — шепчу я, хотя внутри меня всё еще трясет от страха. — Мы просто... разговаривали.

— Пойдем отсюда, — он обхватывает меня за талию и ведет прочь от этого укромого угла.

Мы вместе идем через сияющий зал казино, и я снова чувствую на себе десятки взглядов. Раньше мне казалось, что это взгляды восхищения, но теперь я знаю правду — здесь мне никто не рад. Более того, теперь я понимаю, что здесь у меня как минимум три смертельных врага.

Даша не простит мне Уланса. Никогда. Несмотря на то, что я не виновата в его гибели, ей проще обвинить во всем меня, а не собственного брата.

Влад, преданный пес Ника, видит во мне угрозу для своего хозяина.

И третий... Тот, о котором я боюсь даже думать. Его будущая жена. Та самая статусная женщина, которая скоро официально займет место рядом с ним. Она еще не знает обо мне, но если узнает — возможно, станет самой опасной из всех.

Я смотрю на Ника, который ведет меня к бару, властно раздвигая толпу. Он думает, что сможет защитить меня. Он думает, что его империя — это крепость. Но я чувствую, как неприступные стены этой крепости начинают осыпаться...

— Выпей, — Ник вкладывает мне в руку бокал. — Тебе нужно расслабиться. Мы здесь ненадолго. Скоро поедем домой...

Домой? Только где он теперь, мой дом?

Глава 18

Ночная Москва за окном бронированного «Роллса» проносится бесконечной лентой из неоновых огней и размытых фар. Ник сидит рядом, его рука тяжело лежит на моем бедре, пальцы время от времени собственнически сжимают кожу сквозь тонкую ткань платья.

Он молчит, но я чувствую, что мысленно он всё ещё празднует свой триумф. Сегодня он победил всех, даже собственного лучшего друга.

Лифт снова возносит нас на восьмидесятый этаж. Ник сбрасывает пиджак, развязывает галстук и оборачивается ко мне. Глаза у него горят от внутреннего драйва.

— Ну всё, лисенок. Мы дома, — он подходит ближе, обхватывает меня за талию и притягивает к себе. — Как тебе квартира? Будешь здесь жить.

Ник видит, что я хмурюсь, и сразу же предлагает:

— Если не нравится этот вариант — завтра же выберем любой другой. Хоть целый этаж. Что скажешь?

Я улыбаюсь, но в моих глазах нет радости.

— В качестве кого, Ник? — мой голос звучит глухо. — Пленницы в золотой клетке?

— Почему пленницы? Не говори глупости! Тебя никто здесь насильно не держит. Ты можешь заниматься чем хочешь. Магазины, салоны, любые твои хотелки... Я дам тебе карту, лимитов не будет.

Он делает паузу, и тут его взгляд становится пугающе серьезным.

— Но всё это только после того, как я закрою вопрос с Алексом... До тех пор ты из дома ни ногой.

— Я так и знала, — я разочарованно качаю головой. Ничего нового — это следовало ожидать. Я снова стану пленницей мужчины. Наверное, в этом моя судьба...

— Ты же понимаешь, что он не успокоится? — пытается объясниться Ник. — Поэтому сейчас — только так. Когда я его прикончу — тогда ты сможешь гулять где хочешь. А пока... ты под моей полной защитой.

— Защитой или конвоем? — я иронично вскидываю бровь, но внутри понимаю: выбора у меня всё равно нет.

— Называй это как хочешь, — он резко дергает меня за руку, сокращая последние сантиметры между нами. — Но ты принадлежишь только мне. И я не намерен больше тратить время на разговоры.

Его губы накрывают мои — жадно, требовательно, лишая всякой возможности возразить. Его руки быстро находят молнию на спинке моего платья. Короткий звук — и дорогая ткань соскальзывает вниз, к моим ногам.

Ник подхватывает меня на руки, не прерывая поцелуя, и несет в спальню. Бросает на огромную кровать, и я тону в прохладном шелке простыней. Он нависает сверху, быстро избавляясь от остатков одежды. Его тело — мощное, рельефное, покрытое шрамами, каждый из которых — история его пути к этой вершине.

Он разводит мои ноги, ложится между моих бедер. Его ладони грубо, но до боли возбуждающе сжимают мою грудь, пальцы крутят соски, заставляя меня выгибаться навстречу его ласкам. Его язык скользит по моей шее, вниз к ключицам, оставляя влажные горячие следы. Я чувствую, как его возбуждение — твердое и горячее — упирается мне в живот.

Ник входит в меня, заполняя собой всё пространство внутри. Я вскрикиваю, вцепляясь ногтями в его напряженные плечи. Боль и наслаждение смешиваются в один дикий коктейль.

— Так хорошо... — шепчет он, начиная двигаться.

Темп нарастает с каждой секундой. Ник трахает меня яростно, почти зло, выбивая из меня все мысли о моем неопределенном будущем. Каждый его толчок отзывается электриче-

ским разрядом где-то внизу живота. Я чувствую, как внутри всё горит, как стены влагалища плотно обхватывают его член, пульсируя от напряжения.

Я закидываю ноги ему на пояс, притягивая еще ближе, желая этой грубой, первобытной близости. Ник перехватывает мои руки, прижимая их к подушке над головой, и начинает вбиваться в меня еще сильнее, еще глубже. Звуки шлепков тел и нашего тяжелого дыхания заполняют комнату.

Оргазм накрывает внезапно и ослепительно. Внутри всё сжимается в неистовой судороге, и я кричу, захлебываясь собственным удовольствием. Ник издает глухой рык и через несколько мощных толчков изливается в меня, содрогаясь всем телом.

Он падает на меня, тяжело дыша, придавливая своим весом к матрасу. Мы лежим так несколько минут, пока пульс медленно не приходит в норму.

— Вот теперь ты дома, — тихо говорит он, целуя меня в висок.

Я смотрю в потолок, на блики ночного города, и понимаю: он прав. Это мой дом. Моя клетка. И мой единственный шанс выжить в этом безумном мире, где завтрашний день никогда не гарантирован.

Глава 19

Бывают дни, когда я забываю обо всём.

Ник превращается в мужчину, которого я не узнаю: нежного, внимательного, пугающе заботливого. Мы сутками не вылезаем из кровати. Он выцеловывает каждый миллиметр моего тела, кормит меня с рук, укутывает в кашемировые пледы и прижимает к себе. Мы предаемся любви так, будто каждый раз — последний: жадно, отчаянно. Он нашептывает мне такие слова, от которых у меня перехватывает дыхание, и я верю. Я искренне верю, что смогу уговорить его. Что смогу всё исправить.

Но потом...

Ник возвращается ко мне после своих «дел» с глазами, в которых застыли осколки льда. Приносит с собой запах чужой крови, которая, кажется, въедается в ткань его дорогих костюмов. Становится раздражительным, злым. Любой мой вопрос выводит его из себя.

Мы снова и снова спорим, ругаемся, говорим друг другу убийственные вещи... Но какой-то момент ярость всегда перетекает в страсть. Дикую, почти животную. Такую, что потом мне становится стыдно за всё, что мы творили.

Мы рвем одежду друг на друге, я кусаюсь, царапаюсь. Мы стараемся причинить друг другу как можно больше физической боли, чтобы заглушить ту душевную боль, что грызет нас изнутри. Это не просто секс. Я не могу подобрать название тому безумию, что происходит между нами. Он входит в меня, и перед моим внутренним взором взрывается фейерверк. Я сжимаю его так, чтобы никогда больше не отпускать. Навсегда оставить в своём теле...

В минуты просветления, глядя на его спящее лицо, я отчетливо понимаю: это путь в никуда. Эта болезненная привязанность нас уничтожает. Она уже это делает. Я провожу пальцем по его скуле, где остается моя царапина. Мы — двое безумцев в клетке. А за ней — реальность, в которой у нас нет будущего.

Я люблю его до скрежета зубов, до боли в груди, до того самого момента, когда нежная ласка превращается в удушающий захват. И он тоже любит меня, это видно. Он смотрит на меня так, будто я — его кислород. Единственный оазис среди того кровавого месива, через которое он проходит каждый божий день.

Ник изранен не меньше моего. И каждое его возвращение домой — это новый слой шрамов на душе. Я вижу, как эта «мясорубка» перемалывает его: он становится жестче, холоднее, он всё меньше похож на того парня, которого я знала когда-то. И это сжирает меня изнутри.

Сегодня он снова возвращается далеко за полночь и приносит с собой очередной роскошный букет дорогих цветов. Но меня все эти подарки уже давно не радуют. Мне, по большому счету, всё это не нужно — подарки, деньги, украшения и брендовые шмотки. Мне нужно, чтобы со мной рядом были два моих самых дорогих и любимых человека: Ник и мой брат.

Но теперь это кажется невозможным.

Ник швыряет пиджак на пол. Он выглядит уставшим: лицо серое, под глазами темные тени, на рубашке — кровавые брызги. Он проходит к бару, наливает себе виски, и его рука заметно дрожит.

— Ник, — тихо зову его я. — Что там с моим братом?

Он даже не оборачивается.

— Ты мне что-нибудь ответишь?

— Я делаю всё, что могу! — огрызается он.

— Но всё это безрезультатно...

Он медленно поворачивается. Взгляд — пустой, тяжелый.

— Алиса, не начинай. Я только зашёл домой...

— А я сижу здесь сутками! — мой голос срывается. — В ожидании хоть каких-то хороших новостей!

— Я делаю всё, что от меня зависит... Абсолютно всё... Вيني во всём своего Алекса! Это он прячет твоего брата!

— Это всё бессмысленно, — отчаяние накрывает меня, и я прячу лицо в ладонях. — Он никогда его не отдаст... Я никогда больше не увижу брата...

Ник молчит, только сжимает стакан так, что пальцы белеют.

— Ты думаешь, мне легко? — наконец выдавливают он. — Я делаю всё для нас...

— Для нас? — я горько усмехаюсь. — И что ты сделал для меня? Запер меня здесь, как в тюрьме!

— Я не запираю тебя! — шипит Ник, подходя ближе. Нервы у него окончательно сдают. — Я не такой, как Алекс! Я дал тебе свободу! Ты можешь выходить из квартиры, шляться по салонам и бутикам...

— Только мне всё это не нужно! Я просто хочу уехать отсюда! Куда-то очень далеко. Здесь все меня ненавидят! Все твои близкие. Они просто не дадут нам быть вместе. Я знаю, я чувствую, что рано или поздно нас разлучат. Это неизбежно...

Ник делает резкий глоток, ставит стакан с глухим стуком на стол и подходит ко мне. Он пытается взять меня за плечи, но я отшатываюсь.

— Никто нас не разлучит, — чеканит он, глядя мне прямо в глаза. — Скоро всё будет иначе.

— Ты каждый раз так говоришь, — я качаю головой. — Но каждый раз ты возвращаешься еще более чужим, еще более злым. И каждый раз я думаю, что будет, если однажды ты не вернешься...

Он хочет что-то ответить, но потом осекает себя, и вдруг начинает собираться, чтобы снова уйти. Его сборы — это ритуал: оружие, холодный взгляд, натянутая маска равнодушия. Он не хочет очередного скандала, его тоже измотали наши отношения, и теперь он собирается снова оставить меня одну...

— Ник, пожалуйста, — я вскакиваю и замираю у него на пути, не желая отпускать. — Оставь всё это. У тебя есть деньги, у тебя уже достаточно денег на всё! Давай уедем вместе? Куда угодно! Просто исчезнем. Будем только мы, без этих твоих бандитов, без вечного страха...

Его лицо искажается так, что я едва узнаю его.

— Ты хоть понимаешь, какую чушь несешь? — рычит он. — Ты думаешь, это игра, с которой в любую минуту можно соскочить?

— Но так, как живешь ты — это не жизнь! Это существование на грани смерти!

— Хватит меня лечить! — Ник перехватывает мои запястья. Его пальцы больно впиваются в мою кожу. Он рывком швыряет меня на кровать и нависает сверху, тяжело дыша, с горящими глазами.

— Хочешь меня исправить? — хрипит он, вминая меня в матрас. — Не получится... Тебе придется смириться...

— Не ходи, — я вцепляюсь в его пиджак, вжимаюсь в него, умоляя. — Ник, брось всё! Пожалуйста, я больше не могу...

Он отстраняет меня, почти грубо.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать!

— Если ты сейчас переступишь порог... Можешь больше не возвращаться! — я бросаюсь к двери, закрываю её собой.

Ник бьет кулаком в стену рядом с моей головой так, что штукатурка сыплется на пол, хватая меня за плечи и швыряет в сторону.

— Сиди здесь! Жди меня! — рывкает он. — И не смей ставить мне ультиматумы!

Хлопок двери отдается эхом в каждой клетке моего тела. Я сползаю по стене, закрываю лицо руками и плачу от бессилия и невозможности его удержать.

Вдруг раздается стук.

Сердце подпрыгивает к самому горлу. Это он! Он передумал. Он вернулся, чтобы сказать, что всё бросит ради меня! Я вскакиваю, сглатывая слезы, поправляю спутавшиеся волосы и бросаюсь к двери, срывая замок.

— Ник, прости меня, я...

Я распахиваю дверь, и слова замирают на губах. На пороге никого. Совершенно пустой коридор, отделанный холодным мрамором.

И в дверной ручке — ярко-розовая ветвь олеандра.

Эти цветы, смертельно опасные и безумно красивые, передают мне привет с Кипра.

Дрожащими руками я вынимаю цветок и вижу, что к стеблю привязана записка.

Глава 20

Сегодня особенный день. Сегодня — день свадьбы Ника.

И я лично буду на ней присутствовать. Не как тайная любовница, обманом пробравшаяся на торжество, а официально, как приглашенная гостья.

Как, черт возьми, это вообще стало возможно?

Это было непросто. За этим решением стоят недели выматывающих, доводящих до иступления скандалов. Я кричала, требовала, швыряла в него вещи, умоляла, ставила безумные ультиматумы. Ник бесился, хватал меня за плечи, запирали дома, но в какой-то момент просто устал и уступил. Бросил мне это разрешение как кость собаке, полагая, что мне просто нужно было выбить его. Полагая, что я всё-таки не решусь прийти.

Что ж, видимо, он плохо меня знает.

А зачем *мне*?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.